

Влада Ольховская

ПЛАТОНОВА
ПЕЩЕРА

Влада Ольховская
Платонова пещера

«Влада Ольховская »

2019

Ольховская В.

Платонова пещера / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2019

Екатерину Веренскую, уважаемого преподавателя, обвиняют в жестоком убийстве собственной студентки. Да и как иначе, если все улики указывают на нее? Только она оставалась с погибшей в комнате, запертой изнутри, на ее руках – кровь жертвы, на орудии убийства – ее отпечатки, а сама Екатерина никак не может вспомнить, что же произошло той страшной ночью. От нее отворачиваются родные и друзья, никто не протянет руку помощи сумасшедшей, хотя Екатерина продолжает твердить, что никогда не напала бы на свою самую талантливую ученицу. Помочь ей в поисках справедливости готовы лишь двое: странный журналист, который и сам, возможно, безумен, и девушка, кровь которой дороже жизни.

© Ольховская В., 2019

© Влада Ольховская , 2019

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Кровавая Мэри	8
Часть 2. Слепые и слон	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Влада Ольховская

Платонова пещера

Пролог

Мир возвращался медленно, мучительно. Тело пульсировало болью, как при сильном гриппе, и сквозь эту боль Екатерина почти ничего не чувствовала. Тошнота то нарастала, то отступала, голова кружилась, перед глазами плясали темные пятна, не позволявшие разглядеть ничего вокруг. Ей только и оставалось, что ждать.

Такое, говорят, бывает при сильном похмелье. Екатерина сравнить не могла – просто не знала, что такое похмелье. Вечеринки она оставила в студенческих годах, а когда они были? Двадцать лет прошло, двадцать пять даже... целая жизнь миновала! Да и тогда она была из «хороших девочек», которые возвращались домой трезвыми, в компании друзей и в тот же день, когда и ушли.

Потом все изменилось, жизнь пошла по другим правилам, и никто даже в шутку не смог бы предположить, что Екатерина Александровна, уважаемый преподаватель и автор научных работ, приложится к бутылке так крепко, что потом себя едва вспомнит.

И все же что-то произошло, раз она оказалась сегодня здесь, едва живая и совершенно потерянная. Но здесь – это где? А сегодня – это когда?

Первым ей подчинилось зрение. Темные круги постепенно отступали, заставляя Екатерину шуриться даже от рассеянного утреннего света. Она знала, что ей вряд ли понравится то, что она увидит, однако ничто не могло подготовить ее к представшему перед ней зрелищу.

Она была не дома и даже не валялась в каком-нибудь баре, что само по себе было бы дико. Екатерина обнаружила, что стоит на коленях, чуть пошатываясь, в центре одного из кабинетов университета, в котором она уже много лет преподавала. Вот только привычного порядка здесь больше не было: кто-то сдвинул столы, опрокинул стулья, на полу валялось битое стекло... Похоже, здесь была драка.

Екатерина попыталась повернуться, посмотреть, весь ли кабинет стал полем боя. Но движение лишь усилило головокружение, мир, только-только вернувшийся, качнулся, и чтобы не упасть, ей пришлось опуститься на четвереньки, поддерживая себя руками. Ее трясло, как при лихорадке, а в венах будто пламя пылало, наполняя все ее тело жаром. Нет, это не похмелье, это болезнь, но какая – Екатерина и предположить не могла.

А потом даже это отошло на второй план. Екатерина посмотрела на свои руки и с ужасом обнаружила, что ее кожа от кончиков пальцев до локтей покрыта плотной коркой засохшей крови. Шок отрезвил ее, заставил опомниться, вернуть контроль над собственным телом. Она снова поднялась на колени, чтобы поднести руки поближе к лицу, осмотреть их. Екатерина до последнего надеялась, что первое впечатление обмануло ее и это все же не кровь.

Но нет, поблажек у жизни не было. Кровь – ее ни с какой краской не спутаешь, да и запах все еще витал в воздухе. Вот только Екатерина не могла понять, откуда здесь столько и как эта кровь попала на ее руки. Боли она не чувствовала, кроме той, ноющей, что переполняла все ее тело и особенно остро пульсировала в голове; ран на ней тоже не было. Хотя осмотр показал, что она выглядела как человек, побывавший в драке: одежда в грязи и частично порвана, туфли на каблучке, в которых было бы неудобно двигаться, теперь валяются в углу, да еще эти пятна на руках... Екатерине нужно было знать, что здесь произошло, и срочно.

Выждав немного, чтобы унялось головокружение, она осторожно приподнялась, опираясь на ближайший стол. Судя по свету, лившемуся из окна, наступило раннее утро. Однако Екатерина не могла вспомнить, что делала накануне и как попала сюда. Мысли цеплялись друг

за друга, как засохшие цветы репейника, сплетались, путались. Екатерина чувствовала, что одна она уже не справится, ей срочно нужна была помощь.

К счастью, оказалось, что она в кабинете не одна.

Кресло, которое обычно стояло у преподавательского стола, теперь было передвинуто к окну и развернуто к нему. Но даже так Екатерина видела, что в нем кто-то сидит, и знала, кто. Высокая спинка кресла не могла скрыть длинные пушистые волосы удивительного медно-рыжего оттенка. За свою жизнь Екатерина встречала всего одного человека с такими волосами, обзнаться она точно не могла.

– Нина... – позвала она. Голос звучал хрипло, сдавленно, как после простуды. – Нина, ты уже проснулась?

Она оказалась в разгромленном кабинете вместе со своей студенткой. Это ничего не объясняло, но заставляло Екатерину собраться, подавить нарастающую панику. Из них двоих она была старше, опытней, она чувствовала ответственность, а значит, она должна была успокаивать студентку, не наоборот.

Вот только Нина в успокоении не нуждалась. Она все так же неподвижно сидела в кресле.

Впрочем, и не следовало ожидать, что она просто спит – не в таком месте, не при таких обстоятельствах. Должно быть, им обоим дали какое-то сильное снотворное, и Екатерина пришла в себя первой. Эта версия казалась необъяснимой и варварской – совсем как их нынешнее окружение. Сначала Екатерине нужно было убедиться, что со студенткой все в порядке, а потом только звать на помощь.

Она снова взглянула на кровь, покрывавшую ее руки, заметила, что размазанные багровые пятна появились на полу, на маркерной доске и на светлых стенах кабинета. Так много... И если на Екатерине нет ран, то откуда тогда эта кровь?

Она почувствовала, как сердце забилося в груди чаще, быстрее. Казалось бы: после такого пробуждения ничто уже не должно ее пугать. Но она все еще приходила в себя, ей сложно было понять и принять это. Екатерину не покидало чувство, что она проснулась в параллельной вселенной. А может, и вовсе не проснулась? Как просто было бы списать все на кошмар!

Однако сидеть и ждать заветного пробуждения она не могла. Екатерина поднялась на ноги и медленно, осторожно двинулась к креслу. Ее шатало из стороны в сторону, словно под ногами у нее был не пол, а палуба корабля в сильный шторм, но она не позволила себе остановиться. Она упрямо продолжала идти вперед, хотя небольшой, в общем-то, кабинет уже казался ей непреодолимой пустыней.

И все-таки она добралась. У самого кресла Екатерина остановилась, позвала опять:

– Нина!

Она и сама не знала, на что надеялась. За все то время, что она добиралась сюда, студентка даже не шелухнулась. И крови возле кресла было много, намного больше, чем в центре кабинета, где пришла в себя Екатерина. Все это было неправильно – но главное слово тут «было». Екатерина чувствовала: это не сон, это все по-настоящему, даже если так не бывает.

Она заставила себя протянуть руку вперед и толкнуть кресло. Оно поддалось легко, повернулось, позволяя ей увидеть обладательницу рыжих волос. Екатерина глухо вскрикнула, по привычке закрывая лицо рукой; в этот миг она даже не думала о том, что подносит к губам чужую кровь.

Это, несомненно, была Нина – ее волосы, ее фигура, ее одежда, и шрам этот приметный на руке тоже ее... А вот лицо – нет. Потому что лица не было. Его заменяла тонкая фарфоровая маска арлекина.

И Екатерина помнила эту маску! Кому-то изящный сувенир показался бы дорогим антиквариатом, но она знала, что это лишь талантливо выполненный сувенир. Нина сама сделала маску, расписала вручную и подарила преподавательнице. Все это время маска висела на стене – в другом кабинете!

Но теперь она была здесь. Сначала Екатерине показалось, что ее просто надели на студентку, что это лишь неудачная шутка. Любой человек на ее месте подумал бы об этом! Но чем дольше она смотрела на неподвижное тело, чем четче понимала, что все намного сложнее – и страшнее.

Маска не закрывала лицо студентки. Она заменяла лицо Нины. У края фарфора просматривалась кровавая линия, за которой кожи просто не было. Эту маску создавали как сувенир, надеть ее так, чтобы она идеально прилегала к лицу, было невозможно. Поэтому кто-то просто срезал кожу и мягкие ткани, освобождая место для хохочущего лика арлекина.

Все еще не веря себе, Екатерина коснулась руки студентки – и тут же отпрянула. Рука была холодной и неестественно твердой, словно в кресле сидела не настоящая девушка, а восковая кукла. Никто не смог бы пережить то, что сделали с несчастной, и умерла Нина, похоже, много часов назад.

Нина умерла. Эти слова снова и снова кружили в сознании Екатерины, затеняя все остальные мысли. Лишь теперь она на своем опыте поняла, что такое настоящий шок. Она должна была бояться, плакать, звать на помощь, биться в истерике. А вместо этого она стояла перед креслом и просто смотрела на труп, будто и сама в этот миг перестала быть живой.

Она не знала, сколько длилось это могильное спокойствие, окутавшее кабинет. Время потеряло смысл, оно существовало где-то рядом, не касаясь Екатерины. Она только и могла, что смотреть на мертвую студентку, – свою ученицу! – надеясь увидеть, как та сделает вдох. Всего один вдох, и этого будет достаточно, чтобы доказать ее ошибку. Нина на самом деле жива, все еще можно исправить!

Спокойствие, длившееся целую вечность, всего за секунду сменилось хаосом. Двери вылетели из петель, в кабинет ворвались люди. Они что-то кричали, обращались к ней, но Екатерина не могла разобрать ни слова. Головокружение вернулось с удвоенной силой, в душе было пусто, как в иссохшем колодце. Она не могла оторвать взгляд от маски арлекина.

Но ее заставили: схватили за руки и без труда оттащили в сторону. Сначала грубо и больно, но кто-то успокоил их, и они стали действовать осторожней. Окруженная другими людьми, живыми, злыми, Екатерина понемногу начала оттаивать, она даже понимала обрывки фраз, звучавших вокруг нее, однако от этого становилось только хуже.

Дверь была заперта изнутри.

Она и Нина остались в кабинете вдвоем.

Их обеих последний раз видели вечером.

Посторонние в университет не проникали.

Больше ни о чем не говорили, но многое Екатерина понимала сама. Ее руки в крови, и наверняка эта кровь принадлежит погибшей студентке. Маска, из-за которой изуродовали несчастную, принадлежит преподавательнице. На столе, окруженный не до конца засохшей лужей крови, валяется скальпель, и Екатерина уже не сомневалась в том, чьи отпечатки на нем найдут.

Все указывало на то, что это она в необъяснимом приступе безумия набросилась на Нину. Улики подтвердят это, и никто в мире не поверит, что она невиновна. Кто-то подставил ее так ловко, так гениально, что даже адвокат, защищающий ее в суде, будет тайно желать ей смертной казни.

Но среди этого театра абсурда, среди крови, жестокости и душевного онемения Екатерина была уверена лишь в одном: она никого не убивала. Еще вчера утром все шло своим чередом, Нина была жива, Екатерина не сомневалась в том, что у нее все под контролем, в ее мире просто не было места убийствам и криминалу. Она уверенно строила планы, и этот день был самым обычным и ничем не примечательным.

А потом, менее чем за сутки, кто-то сумел разрушить всю ее жизнь.

Часть 1. Кровавая Мэри

Агата была уверена, что она дома, в своей постели, пока не попыталась пошевелиться. Тогда она и поняла: все, что померещилось ей перед пробуждением, на самом деле правда. Иногда бывают настолько яркие сны, что им веришь до последнего. Таким сном она и объяснила то, что ей холодно, неудобно лежать, у нее болит рука, а по глазам ей бьет неестественно яркий свет.

Но оказалось, что сознание ее не обмануло. Ей было холодно потому, что она была полностью раздета, кто-то оставил ее одну, обнаженной, не прикрыв даже простыней. Ей было неудобно, потому что лежала она не на мягкой постели, а на жестком столе, застеленном едва ощутимым куском ткани, которая по толщине уступила бы даже бумаге. А рука у нее болела потому, что в вену ей был введен катетер.

Ее ослепляли огни круглой лампы, закрепленной над столом. Прикрыв глаза рукой и приподнявшись, Агата обнаружила, что лежит на хирургическом столе, рядом с ней установлено медицинское оборудование, а над головой у нее уже включена рабочая лампа – пока не на полную мощность, но достаточно ярко, чтобы свет отзывался темными пятнами перед глазами.

Комната, в которой она пришла в себя, не была даже близко похожа на операционную в обычной больнице. Стол и оборудование размещались в центре темного, лишённого окон подвала с покрашенными черной краской стенами. Лампа оставалась единственным источником света, возможно, других просто не было, потому ее и оставили включенной. Судя по катетеру, Агату уже подготовили к операции, оставалось только начать.

Но самым страшным открытием было даже не это. Опустив взгляд на собственное тело, Агата мгновенно забыла о смущении. Ее нагота просто отходила на второй план, значение имели лишь полосы, покрывавшие ее кожу. Тонкие пунктирные линии, которыми хирурги обычно намечают места разрезов.

Они были повсюду, расчертили ее тело так, что она была похожа на одну из тех схем, которые обычно вешают на мясных рынках. Только там готовятся разделять коров и свиней, а она оставалась человеком – однако для тех, кто принес ее сюда, это было не так уж важно.

Она оказалась на этом столе не для операции. Она должна была умереть здесь, и небольшие пластиковые контейнеры, стоящие у стены, лишь подтверждали это. Агата никогда раньше таких не видела, но по фильмам знала, что они используются для перевозки донорских органов. Ее органов! И судя по линиям, ее не собирались оставлять в живых. Ее привезли сюда, чтобы просто разобрать на «запчасти», а все остальное... да не важно, что с остальным. Избавиться не так сложно.

Агата не знала, почему это произошло, почему выбрали именно ее, чем она заслужила такое. Здесь, в этом пропахшем сыростью зале, лишь одно было важно: она каким-то чудом пришла в себя до того, как они взялись за нее. Судя по тому, что она не была привязана, ее похитители такого просто не ожидали. Судьба подарила ей один шанс, всего один, и если Агата упустит его сейчас, все будет кончено.

Такая ситуация не могла привидеться ей и в страшном сне, Агата раньше не представляла, как она реагирует на столь грандиозный, накрывающий ее лавиной стресс. Оказалось – неплохо. Когда она поняла, что с ней происходит и что поставлено на кон, сонливость как рукой сняло. Ее тело снова было живым, быстрым и сильным, страх на время отступил, позволяя ей мыслить ясно и спокойно.

Потом можно будет рыдать, биться в истерике и шарахаться от каждой тени. Если она сумеет выжить. А для этого придется постараться, потому что никто ей на помощь не придет, уже то, что она проснулась, – чудо, и второго чуда не будет.

Она не стала звать на помощь, потому что понятия не имела, где находится и кто сейчас рядом с ней. Агата поспешно огляделась по сторонам, надеясь найти хоть какую-то одежду или оружие. Увы, хирургических инструментов рядом с ней еще не было, их, должно быть, собирались принести позже, да и ее одежды рядом не оказалось. Какое там! Агата обнаружила, что похитители даже остригли ее длинные волосы. Если они не собирались оставлять ее в живых, то к чему жалеть ее? Они действовали так, как им удобней.

Ей только и оставалось, что обернуться тканью, закрывавшей до этого операционный стол. Тряпка действительно оказалась удручающе тонкой, но за счет того, что она обматывала тело Агаты в несколько слоев, ткань хотя бы не просвечивалась, а двойной узел позволял двигать руками, не опасаясь, что импровизированное платье упадет на землю.

Теперь одной проблемой у Агаты было меньше. Увы, от риска это ее не спасало.

Убедившись, что в зале больше нет ничего полезного ей, Агата двинулась к единственной на весь подвал двери. Дверь была не то что не заперта, даже не закрыта полностью, и это позволило пленнице услышать голоса, доносившиеся откуда-то со стороны.

– Ну и где его носит? Сколько можно!

– Терпи, полчаса – не опоздание. Может, перестраховывается, чтобы слезки не было.

– Перестраховывается он... А если эта дура проснется?

– Не проснется!

– А вдруг?

– Без «вдруг». Я ей сам снотворное вводил, лошадиную дозу, а ты видел, какая она тощая? С ее весом, она от такой дозы вообще не проснуться может! Нам тут надо волноваться, чтобы она не сдохла раньше срока. А проснуться – это нет. Только не в ближайшие часов десять.

Агата не знала ничего. Она не знала эти голоса, ни один из них не был даже отдаленно ей знаком, она лишь могла сказать, что в доме сейчас не меньше двух мужчин. Она не знала, почему «лошадиная доза» не убила ее и даже не удержала в царстве Морфея столько, сколько должна была. Да и важно ли это сейчас? Главное она поняла: ее догадки оказались верны. Никто не собирался ее щадить, ее жизнь должна была оборваться в руках хирурга.

Но теперь уже нет, раз она проснулась, то обратно на стол не попадет!

Она была не в том состоянии, чтобы продумывать хитрые планы и строить стратегии. Времени на это все равно не было: судя по разговору ее похитителей, убийца должен был явиться в любую минуту. Агате оставалось только пойти на отчаянный шаг, который можно понять, лишь когда смерть уже здесь, рядом, и на коже чувствуется ее холодное дыхание.

Пленница просто рванулась вперед. Раскрыла дверь, стараясь не шуметь, поспешно поднялась по неровным ступенькам, ведущим из подвала к солнечному свету. Почти сразу она увидела перед собой выход, направилась туда; похитители, судя по голосам, сидели на кухне или в одной из комнат.

Если бы дверь была заперта, все было бы кончено. Агата не была взломщицей, она и с ключом-то не всегда быстро справлялась! Даже то острое, болезненное возбуждение, что дарил ей стресс, не спасло бы ее. Мужчины обязательно услышали бы ее возню, пришли сюда и... лучше не думать об этом.

Зачем, если беда прошла стороной? Дверь оказалась не заперта, она беззвучно поддалась повороту ручки, выпуская Агату на свободу.

Если поначалу она и была удивлена такой небрежностью со стороны своих похитителей, то недолго. Они ничем не рисковали: покинув дом, Агата оказалась перед глухим старым лесом, в котором единственным робким проблеском цивилизации была тонкая, покрытая ямами и присыпанная ветками дорога.

По такой не каждая машина проедет! И похитители об этом знали, они ко всему подготовились: рядом с домом стоял массивный, покрытый засохшей грязью внедорожник. Но к нему

Агата и близко подходить не собиралась, водить машину она не умела. А даже если бы умела, что с того? Вряд ли ключи остались в машине, люди, похитившие ее так ловко, не могут быть настолько наивны! Скорее всего, при первой же попытке забраться в автомобиль взвыла бы сигнализация, и все было бы кончено.

Поэтому Агата обошла внедорожник стороной, стараясь держаться подальше от окон, и побежала в лес. Она не узнавала эти места, никогда не была здесь раньше и понятия не имела, куда направляется. Это сейчас было не так важно: лишь бы бежать, двигаться, хоть как-то влиять на свое будущее, а не лежать там, на железном столе, превращаясь из человека в ценный кусок мяса!

Оказавшись в лесу, она мгновенно пожалела о том, что закрыла единственным куском ткани тело, а не намотала его на ноги. Без обуви здесь приходилось нелегко: острые сухие ветви пробивали ее кожу, стопы за считанные секунды превратились в открытые кровоточащие раны. Солнце, поднявшееся высоко над лесом, безжалостно обжигало ее кожу, сосновые лапы, покрытые острыми иглами, хлестали по лицу. Ей казалось, что ее силы вот-вот закончатся, и она просто упадет на землю, ненужная, забытая, бесполезная теперь даже для своих похитителей...

И все равно она бежала вперед, жажда жизни оказалась сильнее боли. Агата знала, что шансов спастись у нее почти нет. Но она отказывалась верить, что для нее все закончится вот так, здесь – и навсегда.

* * *

До пенсии оставалось всего ничего, додержаться бы – два года, сущая мелочь по сравнению с тем, сколько он уже отмотал. Но в такие дни, как сегодня, и эти два года казались бесконечностью.

Еще на рассвете было ясно, что день предстоит жаркий, безо всяких прогнозов погоды – Андрей и не помнил, когда последний раз их смотрел. Он давно научился чувствовать, что его ждет. Если первые лучи, бледные и робкие, уже были наполнены ощутимым теплом, значит, к полудню адская печка разгорится. Если у него ломило колено, поврежденное много лет назад, еще в армии, ожидался дождь. Если начинали ныть старые шрамы, оставшиеся после той нелепой драки, значит, менялся ветер, а с ним и погода. В такие моменты Андрей чувствовал себя стариком, но старался не думать об этом.

Так что он был готов к сегодняшней жаре и надеялся проскочить ее пораньше, до самого пекла, у него всего-то один рейс был назначен. Если бы все прошло по плану, день он бы переждал в деревне, у прохлады местного ручья, а ближе к вечеру двинулся бы обратно.

Не вышло – машина подвела. Когда двигатель отказался заводиться, Андрей уж думал, что и вовсе никуда не поедет сегодня. Суббота, всего четверо пассажиров, дряхлый «пазик», в котором единственным намеком на вентиляцию были покосившиеся от времени окошки. Такое отменить – только в радость!

Но пассажиры взбунтовались. Им, видите ли, надо, а никак больше в деревню не попасть, и что теперь, день пропускать? Пришлось, пачкая новую рубашку, разбираться с двигателем самому, не дожидаясь механика, который к этому моменту уже был беспросветно пьян. Потому что пассажиры были правы в одном: никто их больше в эту деревню не отвезет.

Там и от деревни-то одно название, всего пара домиков, в которых жить можно только летом. Зимой там не продержались бы и самые отчаянные старики, а вот летом – терпимо, красиво даже. Пруд совсем рядом, дальше – речка, а уж какие там леса! Мечта грибника... и кошмар водителя. Двадцать первый век давно наступил и даже обжился, а в деревню по-прежнему вела одна-единственная гравийная дорога, по которой пробраться могли разве что самые отчаянные джипы, трактора, да вот еще трудяга-«пазик».

Но жизнь продолжается, а значит, надо ехать.

Двигатель соизволил завестись ближе к одиннадцати, поэтому о том, чтобы избежать жары, и речи идти не могло. Раздраженные ожиданием пассажиры забрались в прогретый до состояния духовки салон, расселись подальше друг от друга, да и не мудрено – в такую духоту никому говорить не хотелось. Они все знали друг друга, а Андрей знал их, не раз возил все-таки, и это упрощало ситуацию, хоть и не спасало от недовольства.

На хорошей заасфальтированной дороге Андрей набрал скорость, позволяя салону чуть проветриться, а вот в лесу пришлось снова затормозить. Дождей не было давно, и это спасало от опасной грязи, но и сухие ямы доставляли немало проблем, а на въезде их было особенно много. Зато дальше дорога, привычная настолько, что Андрей нарисовал бы ее с закрытыми глазами, шла ровнее. Это позволяло водителю расслабиться, отвлечься, наблюдая за пассажирами, собравшимися в этот рейс.

Прямо за ним сидела Ольга Мякишева, владелица единственного в деревне магазина. Вернее, это она гордо именовала свое дело магазином. По сути же, она просто закупала в городе самое необходимое, а потом продавала это из окна собственной кухни за три цены. Андрей подозревал, что никакого разрешения на торговлю у нее в жизни не было, но вопросов не задавал – себе дороже. Вот и теперь она громче всех кричала, когда он только заикнулся об отмене рейса. Мол, у нее бизнес, потери... слов-то каких набралась! Сейчас все грамотные стали, даже рыночные торгашки.

Напротив нее в соседнем ряду сидел директор городской школы. Его Андрей едва знал, потому что бывший военный был неразговорчив. Отправляясь в деревню к пожилой матери или возвращаясь домой, он здоровался на входе, а потом всю дорогу смотрел в окно. Его право, конечно, и в этой любви к тишине Андрей его даже понимал.

Зато один из пассажиров никак не мог замолчать. Городской этот, Костя, кажется, зовут... Молодой и очень полный, он особенно страдал от жары и духоты в салоне. А до этого страдал от того, что они не выехали вовремя. Андрей видел его редко, но уже успел усвоить, что Костя все время от чего-то страдал. Насколько было известно водителю, москвич приехал сюда за сельскими красотами, а получил вместо этого повод для вечного недовольства. Он раньше и не подозревал, что канализация есть не в каждом доме, а в некоторых деревнях не то что вайфая – мобильной связи нет.

Сейчас Костя злился не на водителя, а на весь белый свет. Ни смысла, ни ценности в его бурчании не было, но одна слушательница этих угрюмых монологов все же нашлась. Мариша, рослая и статная по деревенским меркам девица (а по городским, как подозревал Андрей, крупная) только за тем и ездил по выходным в деревню, чтобы поближе к москвичу быть. Где им еще пересечься? Потом она откровенно скучала все выходные до следующей двухчасовой поездки через лес.

Это была привычная компания, привычная дорога, привычная машина – даже жара этим летом налетала не первый раз и потому тоже стала привычной. Андрей расслабился, думал о предстоящем вечере, а автобус вел автоматически, он наперед знал, где и когда поворачивать.

Поэтому когда на дорогу перед ним неожиданно выскочила девушка, он едва успел нажать на тормоз. Андрей не был к такому готов, сейчас и его, и эту безумную незнакомку спас лишь инстинкт, который водителю подарили проведенные за рулем десятилетия.

«Пазик» тоже не подвел, остановился вовремя, и даже мотор от этого не заглох. Только людей в салоне мотнуло, и послышались возмущенные вопли москвича:

– Какого хрена? Вы нас убить сегодня решили? Или опять это ведро не работает? Что за день!

– Андрюша, ну что за езда такая! – взвизгнула Ольга.

Андрей не обратил на них внимания. Он на пару секунд зажмурился, а потом снова перевел взгляд на дорогу. Он надеялся, что девушка исчезнет, что она просто привиделась ему из-за жары.

Но нет, она по-прежнему стояла там. Грязная, голая, замотанная в какую-то нелепую голубую тряпку. С окровавленными ногами и целой сеткой воспаленных царапин на светлой коже. Ее волосы были взлохмачены, острижены неровно, словно ребенок малый до ножниц добрался, зеленые глаза казались шальными. Она в этот момент даже на человека не была похожа – скорее, на лесного призрака или на какую-то ведьму.

Но если Андрей ее опасался, то она, похоже, была рада ему. Она бросилась к двери автобуса, застучала по ней худенькими кулачками, оставляя на и без того грязном стекле кровавые разводы.

– Пустите меня! – крикнула она. На зеленых глазах уже блестели слезы. – Пожалуйста, скорее!

Она то и дело оборачивалась к лесу, но среди деревьев никого не было. Андрей не представлял, кто она такая, он только видел, что здесь произошло что-то страшное. Когда первое изумление прошло, осталось лишь желание помочь молодой девушке, совсем еще девчонке.

Он хотел открыть двери, но его руку перехватили до того, как он успел коснуться панели управления. Ольга хорьком скользнула от своего места к нему, обогнула перегородку, отделявшую его от пассажиров, не дала продолжить.

– Ты с ума сошел? – зло прошептала она.

– Не понял, – нахмурился Андрей.

– Вот именно, что ты ни черта не понял! Посмотри на нее, это же какая-то сумасшедшая! Сектантка!

– Какая еще сектантка?

– Я слышала, в этих лесах повадились сатанисты собираться!

– Я здесь же живу, но ничего такого не слышал!

– Откройте! – крикнула девушка.

– Чего вы медлите, уважаемый? – нахмурился директор школы. – Дверь заклинило?

– И этот туда же! – окрысилась Ольга. – Посмотрите на нее, она же не в себе!

– Да, это может быть опасно! – неожиданно поддержал ее москвич. – Хотите совесть чистой сохранить? Так вызовите полицию, пусть сидит тут и ждет!

– Но здесь ведь нет сигнала, – робко заметила Мариша, глядя на свой мобильный.

– И что? Вызовем, значит, когда появится. Вы водитель, вы отвечаете за безопасность пассажиров! Впустить сюда психопатку – это не безопасность!

Андрей почувствовал, как злость пробивается через удивление и настороженность. Дожили, какой-то городской щенок его жизни учить будет! А все потому, что заплатил за билет несколько десятков рублей, и уже царь.

Поэтому Андрей раздраженно вырвал руку из цепких пальцев Ольги и открыл двери. Девушка чуть не упала, пробираясь в салон, и тут же крикнула:

– Закройте двери, скорее, уезжайте отсюда!

И стало ясно, что просто с ней не будет. Однако на душе у Андрея, как ни странно, все равно стало легче: он чувствовал, что поступил правильно.

* * *

Зачем так жутко, неоправданно рисковать? Ведь можно многое сделать, чтобы ничего плохого не случилось! Можно было бы сделать. Теперь уже нет. Потому что эта окровавленная девица оказалась внутри, и Ольге пришлось прикусить язык. Она бы в жизни не рискнула драться с сумасшедшей!

А теперь вот все бросились к этой оборванке, размазывающей по полу кровь. Хотя нет, не все – Ольга вернулась на свое место, поближе к сумкам с товаром, а парень, из Москвы который, остался в кресле. Он хмурился и, похоже, был недоволен решением водителя. Ольга бросила на него понимающий взгляд, но ответа не получила – он не сводил глаз с этой нищенки.

Рядом с ней сейчас суетилась толстая девица, официантка из придорожного кафе, Марина. Она достала из сумки легкую шаль, которая в такую погоду была совсем не нужна, и подала ее нищенке; та благодарно кивнула. Ольга только хмыкнула – нашлась добрая самаритянка пятидесятого размера! Сделала глупость и радуется!

У самой Ольги одежда в сумке была, но отдавать ее этой бродяге она не собиралась. Может, она вообще больна чем-то!

Между тем Александр, директор школы, уже притащил откуда-то старую, покрытую пылью аптечку. Хотя понятно – откуда, это сомнительное сокровище хранилось в автобусе годами, если не десятилетиями, теперь вот пригодилось.

Он и водитель хотели помочь девице с кровавыми ранами, покрывающими ее ноги, но она сама помешала им, засуетилась:

– Вам нужно двигаться дальше, срочно!

Дурное предчувствие в душе Ольги нарастало. Ну вот же, вот, началось! Пустили козу в огород!

– Почему? – спросил Андрей.

Водителя Ольга сейчас готова была придушить своими руками. Как можно быть таким бараном?! Говорят тебе умные люди не открывать дверь, значит, не открывай.

– За мной могут гнаться... – сказала нищенка уже тише.

– Кто?

– Я не знаю... Слушайте, просто отвезите меня в полицию или в больницу... Куда-нибудь, только подальше отсюда!

Ольге многое хотелось сказать сейчас. Не надо было впускать сюда эту девку, которая больше похожа на дикое животное, чем на человека. Может, она сама кого-то убила, а теперь скрывается! Но ладно, впустили по глупости. Так теперь ведь они услышали, что у нее беда! Что нужно сделать? Правильно, выбросить ее к лешему, вызвать полицию, пусть сидит тут и дожидается, если ей так надо.

Она промолчала, потому что не хотела привлекать к себе внимание. Что если ободранка на нее набросится? Этого Ольге хотелось меньше всего, и она надеялась, что окружающие все поймут сами.

Но нет, они снова решили вести себя как редкие, вселенского масштаба идиоты. Андрей поспешно вернулся за руль, и автобус двинулся с места. Александр и Марина тем временем продолжили возиться с аптечкой. Они помогали оборванке так, будто она действительно была обычной девушкой, потерявшейся в лесу. Откуда такое доверие? В здешних деревнях все друг друга знают, а приезжие быстро привлекают внимание, как этот молодой москвич. Оборванку же все они видели впервые. Это нормально? Нет, и почему никого это не беспокоит?

Ольга собрала все сумки возле себя, перевязала их шарфом, чтобы никто уже их не открыл без ее ведома. Она не могла пока ничего изменить, ей оставалось принять волю большинства и надеяться, что они правы, а она – нет. Деревня близко, а там каждый будет сам за себя.

Вот только как бы чего не вышло...

* * *

Раны на ногах у девушки были серьезными, здоровой кожи почти не осталось. Александр видел, что это не результат пыток, она сама нанесла их, хотя вряд ли намеренно: похоже, она

просто бежала через лес, не разбирая дороги, а все остальное за нее сделали острые обломки веток. Вот только чего нужно было так испугаться, чтобы даже боли не чувствовать? Большинство юных девушек, которых знал Александр, при таких травмах и шагу не ступили бы.

Что бы ни напугало незнакомку, оно не отпускало ее до сих пор. Девушка дрожала, чувствовалось, что лишь усилием воли она заставляет себя не шарахаться от каждого прикосновения. При этом Александр не видел на ней ран, кроме тех, что она получила в лесу.

Зато он заметил кое-что другое: маркерные линии. Темные и ровные, они расчерчивали почти все ее тело. Из-за того, что незнакомка прикрывалась голубой тряпкой и шалью, рассмотреть узор не получалось, однако Александр чувствовал, что это важно.

Он не знал, как это понимать. Он слышал, как Ольга болтала о секте, но сам он об этих сплетнях ничего не знал. Зато Александр внимательно наблюдал за местными криминальными новостями – он ведь директор школы, он должен был знать, что творится рядом с детьми!

Так вот, в этом районе не происходило ничего. Пьяные драки и аварии случались, как и везде, но не более того. Это были тихие места, без преступных синдикатов и зловещих религиозных сообществ. Александр приезжал сюда за миром и покоем, он вырос в этих краях, но ни о какой тайной угрозе не слышал.

– Как вас зовут? – спросил он, пока Марина промывала и обрабатывала раны на ногах незнакомки.

Этой девушке нужно было в больницу, и срочно. Серьезных травм он не видел, но она потеряла немало крови, порезы были забиты землей. При таких условиях получить инфекцию – просто вопрос времени.

Андрей, водитель, тоже понимал это, он больше не отвлекался от дороги.

– Агата, – тихо отозвалась девушка.

– Агата, как вы попали сюда?

– Это... долгая история.

– У нас есть время, – указал Александр.

– Да, но сначала мне самой нужно разобраться, что произошло.

– Вы не помните?

– Я все помню, – возразила она. – Я просто... Я не знаю, как связать то, что я помню, с тем, что творится сейчас.

Она не лгала ему, Александр видел это. Она действительно запуталась, страх не давал ей прийти в себя и мыслить здраво. Когда она бежала через лес, все ее силы были сосредоточены на самосохранении, она думала только о том, чтобы двигаться.

Теперь же, когда гонка со смертью завершилась, ей нужно было принять все случившееся. А в ее ситуации, с этими линиями, наготой, порезами на коже... Просто не будет. Александр не хотел бы сейчас оказаться на ее месте.

С ней нужно было разговаривать, как с одним из тех первоклашек, что поначалу от каждой тени шарахаются, и Александр это умел.

– Вы знаете, где вы?

– В автобусе.

– Я не про автобус.

– Про дорогу, – кивнула она. – Но этого я не знаю. Точно не там, где должна быть!

– А где вы должны быть?

– В Москве. Да... до того, как все это началось, я была в Москве.

Александр вопросительно посмотрел на москвича, сидящего в автобусе: может, он узнает ее? Может, они вместе приехали?

Но Константин продолжал коситься на незнакомку злобными глазками, лишенными даже тени узнавания. Конечно, этого и следовало ожидать, Москва – это отдельная страна, ее жители просто не могут знать друг друга.

Марина кое-как перебинтовала ноги их внезапной попутчицы, Александр помог Агате перебраться с пола на кресло. Она все еще была белее снега, да и боль не отступила – скорее, они растревожили раны. Но девушка держалась достойно, не жаловалась, да и на сумасшедшую, которую так опасалась увидеть в ней Ольга, она не походила.

Автобус двигался медленно, словно издеваясь, однако в их ситуации и это было много. Они подбирались к деревне, к дороге, на которой будут другие машины, к месту, где точно есть связь. Еще чуть-чуть – и все будет хорошо.

Александр верил в это, но недолго. Когда он выпрямился, чтобы вернуться на свое место, его взгляд упал на мутное заднее стекло автобуса. Оттуда хорошо просматривалась ровная в этом участке леса полоса дороги, оставшаяся за ними.

Там, где обычно целыми днями не было легковых машин, теперь появился грязный внедорожник, стремительно приближавшийся к автобусу.

* * *

Это была та сама машина. Внедорожник, который Агата видела возле дома своих похитителей – она не сомневалась в этом. Ее надежды на то, что ее уход никто не заметил и ее след потерялся в лесу, рассыпались, как карточный домик.

Внедорожник не просто появился на дороге, он преследовал автобус, это было очевидно всем. Похитители точно знали, что она внутри. Сначала это поразило Агату: как они могли найти ее? Неужели они видели, как она вошла в автобус? Но тогда почему они не схватили ее сразу?

Впрочем, теперь, когда боль от открытых ран утихла под повязками и Агата оказалась в окружении других людей, страх отступил, и думать стало легче. Сосредоточившись на собственных вопросах, она без труда поняла, как ее отследили.

Они заметили ее уход не сразу, это факт, иначе ее перехватили бы еще в лесу. Но потом побег все-таки обнаружили – то ли хирург приехал, то ли они решили заглянуть в подвал. На земле перед домом остались ее следы, понять, куда она направилась, было несложно. В лесу они, возможно, отстали, но там им помогла свежая кровь. Алый след привел их к грунтовой дороге, они увидели следы шин на том месте, где остановился автобус.

Дальше все ясно – они наверняка знали, по какому маршруту ездит здешний автобус, вряд ли вариантов много. Они вернулись к своему дому и продолжили преследование уже на машине. Несмотря на всю фору, что невольно получила Агата, догнать медлительный, похожий на металлическую черепаху «пазик» на мощном джипе было несложно.

И вот машина оказалась на той же дороге, теперь всего в метре от автобуса, и ее заметили все – и водитель, и пассажиры.

– Это еще что такое? – нахмурился водитель, немолодой, но и не старый еще мужчина, крепкий, с темным деревенским загаром.

Агата прекрасно помнила, что он открыл дверь не сразу. Его можно было понять: он ехал не один, он вез пассажиров, и ему не хотелось рисковать их жизнями, связываясь с голой, окровавленной девицей. Поэтому он вполне мог передумать сейчас.

– Не открывайте! – взмолилась она. – Они... они убьют меня!

Это она знала наверняка. Агата по-прежнему не представляла, что это за люди и почему они выбрали именно ее. Но в том, что в живых ее не оставят, она не сомневалась.

– Кто это такие? – спросил мужчина средних лет, помогавший ей, когда она вошла в салон. Несмотря на поездку в душном автобусе по этому глухому маршруту, он путешествовал в строгом костюме, спину держал прямо, уверенно, совсем как военный.

– Я не знаю! – нервно отозвалась Агата.

Страх вернулся с новой силой. До этого ей было жарко в раскаленном солнцем автобусе, но теперь ее словно ледяной водой облили. Ужас, пронзительный, инстинктивный, колот ее кожу сотнями игл, сознание, уже отошедшее от шока, безжалостно рисовало ее будущее – то будущее, что ждало ее в лесной хижине.

– Но ты знаешь, что мы не должны останавливаться? – хмыкнула худая женщина, нависавшая, как коршун, над тремя большими клетчатými сумками. – Замечательно! Андрюша, ты кого подобрал? Мы преступницу на борт взяли!

– Помолчи! – прикрикнул на нее водитель. На своих пассажиров он сейчас не смотрел, его взгляд метался от дороги к зеркалу заднего вида и обратно.

– Так кто вы такая? – спросил мужчина в костюме.

– Никто! То есть, я... Я Агата, работаю графическим дизайнером, не преступница и миллионов у меня нет! Я для вас не опасна!

– Но они, похоже, опасны, – мужчина в костюме кивнул на дорогу. – Кто это?

– Тоже не знаю! Послушайте... Я меньше часа назад проснулась черт знает где, голая, на операционном столе! Меня уже расчертили на убой и, похоже, хотели разобрать на органы! Я не думаю, что им вообще важно, кто я такая, меня не ради этого выбрали!

– Что за бред? – возмутился тучный молодой человек, сидевший в центре левого ряда. Голос у него был высокий, почти женский. – Такого просто не может быть!

В чем-то он был прав. Если бы Агате такое рассказали недавно... да еще вчера, когда она сидела в своем офисе, она бы лишь посмеялась. Может, в Москве такие истории и возможны. Но кто станет увозить ее в эту глушь, зачем? Почему именно ее?

Легко быть скептиком, когда это не касается тебя. Но вот она здесь, замотанная бинтами, расчерченная маркерными линиями для вскрытия заживо, и сомневаться, реальность это, розыгрыш или страшный сон, уже не приходится.

– Они убьют меня... – только и смогла произнести Агата.

– То есть, они настолько опасны?! – взвился на ноги молодой человек. – Нет, прекратите эту гонку сейчас же, надо остановиться и во всем разобраться!

– Не останавливайтесь! – взмолилась Агата. Она ничего не знала о своих похитителях, но чувствовала: вести мирные переговоры они не будут.

– Почему нет? – допытывался тучный юноша. Его лицо покраснело до свекольного оттенка от жары и волнения, взгляд метался из стороны в сторону. Он готов был смотреть куда угодно, только не на Агату, а значит, он принял решение. – Может, ты что-то украла у них? Убила кого-то? По-моему, на тебе было больше крови, чем из твоих царапин могло натечь! Почему они преследуют тебя?

– Я вам все сказала!

– В эту фигню я верить не собираюсь!

– Хватит! – вмешался мужчина в строгом костюме. – Посмотри на ее кожу, это будущие линии разреза!

– Ой, я вас умоляю! – закатил глаза молодой человек. – Что, она сама не могла намалевать их? Это лишь доказывает, что она сумасшедшая!

– Нам всем нужно успокоиться...

Но успокоиться не получилось. Водитель джипа понял, что намеков в автобусе не понимают. Он подъехал ближе, почти вплотную, и тишину леса разрезал высокий сигнал гудка; указание остановиться стало очевидным.

– Они совсем близко! – охнула молодая женщина, которая перебинтовывала ноги Агаты.

– Отойди от окна, – велел мужчина в костюме. – Андрей, не останавливайтесь.

– Я и не собирался, – мрачно откликнулся водитель. – Вот только это ненадолго. Как дорога станет шире, им станет побоку, хочу я останавливаться или нет.

В этом он, конечно же, был прав. Внедорожник был больше обычной легковой машины – и немногим меньше автобуса. Если бы он заблокировал дорогу, проехать мимо него им бы не удалось. Сейчас их спасало лишь то, что он не мог пойти на обгон. Узкую дорогу со всех сторон окружали вековые деревья и бурелом, джипу просто некуда было свернуть, и он вынужден был плестись за автобусом.

Но долго ли это продлится? Ему не нужно даже, чтобы дорога становилась шире, достаточно широкой лужайки, чтобы он прорвался вперед. Водитель автобуса, напряженно сжимавший руль обеими руками, понимал это.

– Мы должны остановиться! – упорствовал молодой человек.

– Мы и так едем слишком быстро, мы все рискуем! – подключилась обладательница клетчатых сумок. В одиночку она, похоже, возмущаться не решилась бы, но в лице тучного юноши она уже нашла союзника. – Мы попадем в аварию! Или разозлим тех, кто в машине, они решат, что мы помогаем воровке! Как бы чего не вышло...

– Я не воровка! – указала Агата. – Послушайте... они убьют меня, это точно, вы же сами понимаете!

Они понимали, да, но понимали они и то, что женщина с сумками права. Они все рискуют.

– Давайте успокоимся, – предложил мужчина в костюме. – Я понимаю, ситуация сложная, но нужно оставаться людьми! Мы...

Договорить он не успел: автобус, и без того подпрыгивавший на дороге, резко дернулся. Агата, ослабшая от потери крови и лесного побега, не упала лишь потому, что сидела в кресле. Мужчина в костюме на ногах удержался, тучный юноша – нет. Он повалился под сидение, и скоро с той стороны послышалась громкая ругань, относившаяся в основном к Агате и водителю.

Но в том, что случилось с автобусом, виноваты были не они. Это подтвердилось очень скоро, когда джип снова рванул вперед и снова протаранил автобус, вызвав толчок посильнее предыдущего.

Пока их лишь предупреждали, это чувствовалось. Но водитель внедорожника быстро терял терпение, и вряд ли у них было много времени на раздумья. Его поведение подтверждало и кое-что другое: если бы Агата была преступницей, которую преследуют полицейские, они бы себя так не вели. Люди в джипе не пытались выйти на связь или что-то объяснить, они сразу перешли к угрозам.

А значит, судьба Агаты стала очевидной для всех, кто находился в автобусе.

Вот только помогать ей они не спешили. С надеждой глядя на каждого из них, Агата не находила поддержки. Мужчина в костюме сочувствовал ей, но он сейчас ни в чем не был уверен. Водитель автобуса, обычный честный работяга, в жизни не представлял, что окажется в такой дикой ситуации, ему хотелось, чтобы все это побыстрее закончилось. Женщина с сумками и тучный юноша еще сильнее хотели вышвырнуть ее вон и забыть навсегда.

Последний при падении разбил нос о кресло и теперь, размазывая кровь по лицу, смотрел на Агату с нескрываемой ненавистью. Будто это она толкнула его! Рослая молодая девушка ничего не говорила, она забилась на заднее сидение, сжалась и нервно кусала ногти. Похоже, она надеялась, что все решится без ее участия.

– Андрей, останавливай! – потребовала женщина с сумками. – Все же ясно!

– Ты замолчишь сегодня? – отмахнулся водитель.

– А чего ей молчать? – вступился тучный юноша. – Мы – пассажиры, вы – на работе! Ваша обязанность – защищать нас, а не играть в спасателя!

– Сам разберусь, – ответил водитель, но уверенности в его голосе не было.

– Давайте не будем пороть горячку, – примирительно сказал мужчина в костюме. – Это важное решение. Вы что, хотите, чтобы Агату убили?

- Да никто ее не убьет!
- Убьют! – указала Агата.
- Да конечно! Сразу же не убили.
- Они и сейчас сразу не убьют! Вы что, не понимаете?..

Договорить она не смогла, потому что сообразила наконец: все они прекрасно понимают. И женщина с сумками, и тучный юноша, и нервная девица, обкусывавшая себе ногти до крови, знали, что ее убьют.

Однако всем было ясно, что это вряд ли произойдет прямо здесь, на дороге. Скорее всего, Агату заставят сесть в джип и увезут. Пассажиры не увидят, что с ней будет дальше. Они смогут убедить себя, что она осталась жива, что люди во внедорожнике были правы, что она – всего лишь сумасшедшая, которой не нужно помогать.

Этот самообман освободит их совесть от ответственности за убийство. Они продолжают путь в свою уютную деревню в полной уверенности, что ни в чем не виноваты. Даже героями себя почувствуют, когда расскажут полиции о случившемся – если вообще расскажут. Вот только для Агаты это уже ничего не изменит.

– Это преступники, – уверенно заявил мужчина в костюме. – Они уже и не скрывают. А мы – свидетели. Вы что, серьезно думаете, что если мы сейчас остановим автобус и позволим им войти, они просто заберут Агату? А где гарантия, что нас всех не перестреляют на месте? Мы ведь увидим их лица!

Новый удар по автобусу словно подтвердил его слова. Те, кто преследовал их сейчас по лесной дороге, отступить не собирались.

Это смутило остальных пассажиров, но ненадолго. Тучный юноша радостно ухмыльнулся, демонстрируя залитые кровью зубы.

– Я знаю, что нужно делать!

– Да неужели? – язвительно поинтересовался мужчина в костюме. Он прекрасно понимал, что противник в этом споре у него всего один. Без поддержки этого молодчика женщина с сумками притихла бы. – И что же?

– Мы скоро до мостика доедем, того, узкого! Там они к нам не подъедут и рядом не станут!

Остановимся на этом мостике, выбросим им девицу и поедем дальше. Они не будут преследовать нас, если она окажется у них! Это точно!

Это было не точно, но вполне вероятно. Похитители прекрасно знали, что в деревню им соваться нельзя, там будет слишком много свидетелей, всех не перебеешь. Да, они могли оставить автобус в покое, получив то, что им нужно.

Такое решение наверняка казалось выгодным пассажирам, но не Агате.

– Послушайте я... Я...

Она не знала, что сказать, подходящих слов просто не было. Да она сама не могла избавиться от сомнений!

Ей очень хотелось жить, но... не любой ценой. Если пассажиры могли закрыть глаза на убийство, которое произошло бы где-то далеко, то она – нет. Она понимала, что ставит под угрозу жизни этих людей.

Да, она ни в чем не виновата и ничего не сделала, чтобы заслужить такую участь. Но и эти люди – тоже! Они уже были добры к ней, впустили ее в автобус, перебинтовали ее раны. Получается, что за их доброту она собиралась подвести их под удар?

Ей нужно было остановить все это, нужно было выйти, принять свою судьбу – несправедливую, но почему-то выпавшую ей. И все же Агата не могла поступить правильно, как бы ни старалась. Инстинкт самосохранения побеждал все доводы совести. Там, за пределами душевного салона, ее ждала смерть, вот и все, что имело для нее значение.

Ударов по автобусу больше не было, и пассажиры даже успели успокоиться. Почти. Спокойствие это долго не продлилось, потому что прогремел выстрел, и заднее стекло автобуса разлетелось вдребезги.

Стреляли в верхнюю часть окна, поэтому никто не пострадал, но все пассажиры инстинктивно прижались к креслам или полу. Это снова было предупреждение, но, похоже, последнее.

Теперь, когда стекло было разбито, даже рев старого мотора не мог заглушить голос, доносившийся из джипа:

– Отдайте девку! Забудьте, что она вам говорит, она знает, за что ее преследуют! Она сама нарвалась! Отдайте ее – и забудем об этом!

Это, конечно, было ложью, которую Агата не спешила опровергать. Она смотрела на залитое кровью лицо тучного юноши, на бледно-зеленую от страха и злости женщину с сумками, на рыдающую девушку и растерявшегося мужчину в костюме. Не важно, какие они люди – плохие, хорошие, добрые, ненавидящие. Не ей их судить и не ей приговаривать. Сквозь отчаянные мольбы инстинктов Агата вдруг четко поняла: есть вещи страшнее смерти. Например, ответственность за массовое убийство.

Она не была к этому готова. Ей оказалось проще убедить себя, что похитители, может, и пощадят ее, чем обречь на гибель всех этих людей.

Не решаясь подняться на ноги, чтобы не попасть под пулю, она переползла по проходу между сидениями поближе к водителю и тихо сказала:

– Остановите автобус. Я выйду...

* * *

Андрей в жизни к такому не готовился, он и в пьяном бреду не мог предположить, что однажды ему придется выбирать между жизнью и смертью. Чужой жизнью и смертью! От этого, как ни странно, становилось только хуже. Своей судьбой распорядиться было проще, чем будущим молоденькой девчонки.

Выбор ведь по-прежнему был только за ним. То, что сказала Агата, для него ровным счетом ничего не значило. Она хочет выйти? Пусть хочет дальше. Только он мог остановить автобус, открыть двери и позволить людям из джипа забрать ее.

И вроде правильно Оля с этим городским толстяком говорят: нужно ее отдать. Андрей впустил ее самовольно и никакой ответственности за ее жизнь не несет, в отличие от жизней пассажиров. Хорошо им, они уже умудрились отстраниться от убийства! Они не при делах, все идет своим чередом; Андрей так не мог. Да и потом, ситуация оставалась неопределенной не только для Агаты, для других пассажиров тоже.

Что если ее преследователи не захотят оставлять свидетелей?

Что если сейчас они гонятся вовсе не за ней, а за всем автобусом? Как можно верить их словам после того, что они уже сделали?

Что если его, водителя, осудят как соучастника убийства? Ольге и москвичу легко говорить, они не при делах, а ему отвечать! Не только перед полицией, перед людьми тоже, и перед своей совестью... и перед Богом. Андрею это было важно, взгляд сам собой возвращался к маленьким картонным иконкам, закрепленным слева от руля и успевшим выцвести от солнца – долго они с ним путешествовали! А по-настоящему важными стали лишь сегодня.

Поэтому Андрей продолжал вести автобус вперед, хоть и знал, что этим он только провоцирует преследователей.

– Андрей, ты с ума сошел? – завизжала Ольга. – Останавливай немедленно! Она же согласна, чего ты медлишь?!

К ней тут же подключился толстяк, пускавший кровавые пузыри носом:

– Я требую, чтобы вы остановили автобус! Или я подам на вас в суд!

В суд он подаст... Малец не понимал, что для Андрея это не было угрозой, только не сейчас.

Возмутилась даже Агата:

– Правда, остановите! Неизвестно, куда они попадут, если выстрелят еще раз! Я... я готова...

Андрей чувствовал: ни к чему она не готова. Ее, бледную от потери крови, трясло, как осиновый лист. Но держалась она достойно, и водителю все меньше хотелось выполнить ее просьбу.

Впрочем, не все в автобусе были настроены так решительно.

– Вы с ума сошли? – нахмурился Александр, директор школы. – Это же преступление!

– Я лучше преступление совершу, чем на тот свет отправлюсь! – огрызнулась Ольга.

– Да что вы его слушаете, какое это преступление? – вклинился москвич. – Это самый разумный поступок!

– Только не для людей! – указал Александр. – Почему вы решили, что этим спасете свои шкуры?

– А чем еще? – беспомощно спросила Агата. – Если я выйду, у вас хотя бы шанс будет!

– Ничего у нас не будет!

Но даже он не рисковал сейчас выпрямиться в полный рост. Они прятались между сиденьями, зная, что в любой момент может прогреметь новый выстрел. Марина тихо плакала. Москвич, измазанный кровью, казался ненастоящим, двухмерным, нарисованным на грязной стене автобуса – словно карикатура на человека. Ольга по-прежнему цеплялась за свои сумки, как будто на них кто-то покушался. Агата прижималась к полу, совсем близко от водителя. Может, ей и хотелось настаивать, но на это не хватило даже ее смелости.

На них не было той ответственности, которую чувствовал сейчас Андрей. Она давила на него мертвым грузом и с каждой секундой становилась все тяжелее. Он знал эту дорогу, как свои пять пальцев, помнил, что совсем скоро они доберутся до моста, упомянутого москвичом, а дальше дорога станет шире и ровнее. Джип легко их обгонит, они не уйдут.

Что тогда остается? Призрачная возможность спасти несколько жизней отказом от одной? Пять минут в звании героя – и клеймо убийцы до самой смерти?

Андрею было плохо, душевная пытка превращалась в физическую. Сердце колотилось в груди, оно будто захлебывалось, не справляясь с такой нагрузкой, и становилось трудно дышать. Водителю было жарко, пот уже пропитал рубашку насквозь. Руки колотились, как в одном из тех припадков, что он видел у своего брата, и скрыть это Андрей мог лишь одним способом: изо всех сил сжимая руль.

Время уходило. Безопасная часть дороги заканчивалась через несколько минут, преследователи могли снова открыть огонь. Но, оборачиваясь, Андрей видел отчаянные, испуганные глаза Агаты. Он не знал, что делать.

Первой не выдержала Ольга.

– Ты с ума сошел! – крикнула она.

Наконец оставив свои драгоценные сумки, она бросилась вперед. Сначала Андрей решил, что она хочет напасть на Агату, но нет, их неожиданная пассажирка ее не интересовала. Ольга попыталась прорваться к водителю – то ли руль в сторону повернуть, то ли в глаза вцепиться, он не брался сказать. Но ей не удалось добраться даже до защитной стенки, закрывавшей спину Андрея.

Александр перехватил ее в движении и силой усадил на кресло.

– Ты куда собралась, дура? – рявкнул обычно спокойный и невозмутимый директор школы.

– Как надо сделаю! Все хотят, чтобы автобус остановился, даже она! – прошипела Ольга. Но бросаться на сильного, нестарого мужчину она не решилась.

– Я не то чтобы хочу, но готова сдать, – криво усмехнулась Агата.
– Да просто в окно прыгай! – взвизгнул москвич. – Какая тебе разница, как умирать?!
– Вы совсем озверели, – поразился Александр.
– Может, и правда так лучше будет? – наконец подала голос Марина. – Я имею в виду, не в окно прыгнуть, а сдать... Если они выстрелят еще – мамочки! Я же от страха умру... Мы тут все умрем! А так – она одна...

Ну вот, теперь даже Марина, добродушная и миролюбивая, сделала свой выбор. Она, Ольга, москвич, Агата – все они проголосовали. Александр тоже в своем решении не сомневался, но он оказался в меньшинстве. Андрей и сам хотел бы почувствовать такую же уверенность, да не получалось.

Для Агаты финал все равно предопределен. Неважно, высадят ее здесь или перехватят на дороге вместе с остальными. Поэтому нет такого варианта, как «просто ехать дальше». Нужно или высаживать ее, принимая условия преследователей, или... делать что-то еще.

Вот только что, что?

Над лесом громовым раскатом пролетел новый выстрел, и Ольга взвыла:

– Останови!

– Не смей, – тут же велел Александр. – Потому что иначе я...

Никто так и не узнал, чем собирался угрожать школьный директор. Его голос резко оборвался, и, обернувшись, Андрей увидел, что Александр лежит в проходе неподвижно, а вокруг его головы расплывается алое пятно.

На этот раз их преследователи были не при чем. Андрей хоть и не видел, что там произошло, догадался без труда: ему достаточно было взглянуть на москвича, все еще державшего в руках небольшой, но тяжелый кейс с фотоаппаратом. Похоже, он сумел подобраться к Александру сзади. Директор школы его, конечно же, видел, но такого не ожидал – и заплатился за это.

– Что вы творите?! – Агата бросилась к упавшему. – Чем вы лучше их?!

– Да нормально с ним все будет! – отмахнулся москвич. – А ты не мельтеши, сейчас побегаешь! Кстати, отличная идея: вышла из автобуса – и дуй в лес! Чтобы они оставили нас в покое и погнались за тобой!

Освобожденная Ольга коршуном налетела на Агату, схватила ту за плечи длинными худыми пальцами.

– Теперь не рыпайся! – с необъяснимым торжеством приказала она. – Хватит, и так столько из-за тебя случилось! Андрей, мать твою, останавливай!

– Надо, наверно... – нерешительно пробормотала Марина.

– Останавливай, отец, – вторил москвич. – Пора заканчивать!

Агата больше ничего не говорила, она замерла, глядя на своего последнего защитника. Даже если Александр серьезно не пострадал, в ближайшее время он точно не очнется. Зато москвич и Ольга были настроены решительно, Андрей чувствовал: еще чуть-чуть, и они примутся за него. Если Марина ни в чем не была уверена и до сих пор рыдала, то у этих двоих глаза горели шальным, животным даже пламенем.

А значит, выждать и дальше водитель не мог. Настало время действовать.

* * *

Отчаянные времена требуют отчаянных мер. Костя никак не мог вспомнить, где слышал эту фразу, кто ее сказал, да это и не было важно сейчас. Она снова и снова крутилась у него в голове, доказывая, что он прав.

Можно оставаться бесхребетными, прикрываясь красивыми словами о ценности человеческой жизни. А можно пойти на решительные меры и спасти всех – даже тех, кто этого не

заслуживает. Костя прекрасно знал, что когда этот маразматик в костюме очнется, он будет недоволен. Начнет верещать, что не нужно было отдавать девку, и все такое. Но какая разница? Костя не собирался с ним больше встречаться, да и потом, победителей не судят.

Убедившись, что мужчина в костюме потерял сознание и больше болтать не станет, Костя обвел победным взглядом окружающих. Да тут больше угроз нет, только бабы и он! Водитель, примитивный потный мужик, все равно от баранки не отойдет. Тетка с сумками была на его стороне с самого начала, честь ей и хвала. Крупная заплаканная телка вообще не способна принимать самостоятельные решения, это Костя уже понял. Она будет слушать того, кто говорит громче. А Агата... она сама сказала, что готова выйти. Пусть теперь отвечает за свои слова!

– Глуши мотор, – велел Костя водителю. После этого он повернулся к рыдающей девице: – Платок дай.

– Чего?..

– У тебя, вон, из сумки бумажные платки торчат, дай сюда!

Размениваться на вежливость Костя не собирался. Он спасал этих людей, кто здесь главный, если не он? А у главного всегда преимущества. Он чувствовал себя хирургом, сохраняющим жизнь, все остальные превращались в его ассистентов, обязанных подчиняться каждому его слову без неуместных «пожалуйста» и «будьте любезны».

Он давно хотел примерить эту роль. Кто бы мог подумать, что шанс появится так неожиданно...

Он забрал у рыдающей девицы платки, достал из сумки селфи-палку и примотал к ней несколько бумажных салфеток. Этот импровизированный белый флаг Костя поднес к заднему окну и несколько раз осторожно махнул, показывая, что они сдаются. Подниматься он все равно не рисковал – будет несправедливо, если он, единственный, кто здраво соображает, станет жертвой шальной пули!

Ответа со стороны преследователей не последовало, но они больше не стреляли, и это уже говорило о многом.

Автобус приближался к тому самому мосту, где Костя предлагал оставить Агату с самого начала. Похоже, все сложилось идеально, оставалось подождать совсем чуть-чуть, и они будут свободны!

Он верил в это – пока водитель не решил повести себя как полный идиот. Эта деревенщина даже теперь отказывалась следовать гласу рассудка: вместо того, чтобы остановиться, он набрал скорость. Автобус, раскаленное ржавое ведро, каким-то чудом, совсем неуместным сейчас, сумел разогнаться. Это и в иных обстоятельствах было бы рискованно на такой дороге, а теперь еще и провоцировало преследователей.

От неожиданности Костя не удержался на ногах, от нового падения его спасло только удачно подвернувшееся под руку кресло, но пульсирующая боль в разбитом лице, только-только успокоившаяся, вернулась. Душный и грязный салон трясло так, что пассажиры не рисковали двинуться с места. Гонка началась неожиданно, в самый неподходящий момент, и даже джип остался позади – его водитель, скорее всего, заметил белый флаг и начал тормозить.

А теперь все пропало! Из-за этого наивного, тупого трюка, который все равно ни к чему не приведет, преступники не станут их щадить. Они догонят их за рекой, обязательно догонят, и тогда никто не останется в живых.

– Ты что творишь?! – крикнул Костя. От возмущения получилось как-то высоко и жалко.

– Не нужно этого! – внезапно поддержала его Агата. – Не рискуйте так ради меня!

Но водитель словно не слышал их. На его потном, красном лице застыло выражение непробиваемого упрямства. Он гнал вперед автобус, рассчитанный на совсем другие скорости, подбирался к мосту и... не стал на него въезжать.

В последний момент он все-таки ударил по тормозам и вывернул руль. Автобус ушел с единственного возможного маршрута, его закружило, понесло – в сторону леса, а потом в

грязь. Неуклюжая машина не удержалась на колесах и перевернулась несколько раз. Все вокруг закружилось, Костя старался держаться за то же кресло, но мышцы не слушались его, пальцы разжимались сами собой. Он никогда не считал себя слабым – до этого дня.

На очередном повороте он все-таки отпустил кресло. Невидимая сила сорвала его с места, закружила вместе со всеми, заставила забыть, где небо, а где – земля. Последним, что увидел Костя, были ржавые, покрытые облесшей краской поручни, оказавшиеся прямо перед его лицом.

* * *

Когда тот рыхлый парень оглушил мужчину в костюме, Агате казалось, что это конец. Исход своей истории, понятный и безжалостный, она приняла с покорной обреченностью. Она не хотела умирать, не хотела возвращаться в лесную хижину, но раз по-другому спасти этих людей нельзя, она должна была принять это. Не важно, что это за люди, плохие они или хорошие. Никто не обязан умирать или даже рисковать ради нее.

А вот водитель решил иначе. Он все изменил – для каждого, кто находился внутри автобуса.

Агата была поражена тем, что она не потеряла сознание – и что она вообще выжила! Когда автобус слетел с дороги, она думала, что уж это точно конец. Водитель, поддавшись страху, не справился с управлением и обрек всех пассажиров на верную гибель.

Однако когда мир перестал кружиться у нее перед глазами, она обнаружила, что водитель проделал все с ювелирной точностью, которой Агата от него никак не ожидала. Через выбитое боковое окно она видела, что автобусу как раз повезло. Деревья и мягкая земля остановили падение, помогли отделаться незначительными повреждениями. Это все равно был риск, но не такой уж чудовищный – в этой ситуации безопасного выхода просто не осталось.

А вот судьба внедорожника была куда печальней. Его водитель знал дорогу гораздо хуже, и когда автобус пошел на отчаянный маневр, он среагировал неправильно. Теперь мощная еще пару минут назад машина превратилась в груды металлолома возле бетонного столбика, служившего началом ограждения у моста.

Второй раз за день смерть прошла мимо. Агата не знала, как это объяснить, она даже верить такому везению боялась. Ей сейчас и не до того было! Она пришла в себя первой, никто из пассажиров автобуса пока не очнулся, и она должна была помочь им.

Агата выбралась из автобуса, чтобы определить, кто пострадал больше всего, к кому ей нужно спешить. Однако оказалось, что помощь нужна... ей. Она убедилась в этом, когда заметила движение слева от себя.

Внедорожник, хоть и разбившийся при аварии, все же уберег людей, находившихся внутри. Теперь один из них не только смог выбраться из покореженной машины, но и направился к Агате. Мужчина выглядел страшно: окровавленный, в порванной одежде, с остатками ремня безопасности на груди и шее, который он просто не смог отстегнуть, а потому перерезал. Судя по безвольно повисшей у тела руке, его плечо было безнадежно выбито. Это должно было причинять чудовищную боль, которую он, похоже, просто не чувствовал. Взгляд у мужчины был шальной, блуждающий, он еще не окончательно пришел в себя после аварии.

Но он помнил, кого должен преследовать. Возможно, не помнил, зачем, но от своей цели не отказался. Увидев Агату, он бросился к ней, хотя при его ранах ему следовало бы остаться в стороне, побережь себя. Говорить ему об этом было бесполезно, вряд ли он вообще понял бы, что к нему обращаются. Агата видела нож, судорожно зажатый в его единственной уцелевшей руке, и это стало для нее лучшим предупреждением.

Решение пришлось принимать за считанные секунды – и она бросилась в лес. Не ради себя, потому что ей меньше всего сейчас хотелось бежать по усыпанной ветвями земле, раны

на ногах только-только перестали болеть. Она просто не могла остаться там. Возможно, ее бы этот мужчина и не поймал, он пострадал сильнее, чем осознал, раны и потеря крови могли свалить его с ног в любой момент. Но до этого он успел бы ранить кого-то еще, и Агата не хотела рисковать.

Она снова бежала, и в этой части леса побег давался ей гораздо тяжелее. Не потому, что она смертельно устала – страх сейчас придавал ей сил. Просто по сравнению с этим лесом, участок возле хижины был прогулочной дорожкой! Здесь землю устилал плотный ковер из бурелома: упавшие стволы и иссохшие ветви наваливались друг на друга годами, перебираться через них становилось все сложнее.

Агата окончательно запуталась, она не знала, куда бежать. Хотелось плакать, но сейчас слезы были непозволительной роскошью: они сбили бы и без того частое, хриплое дыхание. В голове мелькали тяжелые мысли. Может, лучше сдаться? Может, это изначально была дорога в никуда, а своим нелепым побегом она лишь продлевает страдания?

Но идея сдаться и безвольно принять смерть противоречила самой природе Агаты. Она продолжала бежать – пока неожиданно не услышала за своей спиной крик. Резкий, громкий, он взвился к небу и почти сразу сменился хрипом, а потом и вовсе затих. Ни птица, ни зверь так кричать не могут, только человек, а человек, кроме Агаты, здесь был только один.

Она, собиравшаяся перелезть через массивный ствол, замерла в движении. Все еще не решаясь поверить себе, Агата медленно повернулась. Если бы это было ловушкой, она бы сейчас дала преследователю возможность поймать себя. Но уж слишком отчаянно прозвучал этот крик для такого трюка!

Инстинкты ее не подвели: это не было обманом. Обернувшись назад, Агата увидела, что ее преследователь мертв.

Он не упал со склона холма и не напоролся на ветку – хотя этого Агата втайне боялась, когда пробиралась через бурелом. По сути, он подставил сам себя: увлекшись погоней, он не заметил, как остатки ремня безопасности, обмотавшиеся вокруг его шеи, зацепились за ветви деревьев. Резкое движение вперед, затянувшаяся петля, и все закончилось. Агата даже не знала, задохнулся он или сломал шейные позвонки. Она лишь видела, что его глаза безжизненно застыли, стекленея, а из оставшегося полуоткрытым рта сочилась слюна, перемешанная с кровью.

Агата боялась дотрагиваться до него, боялась даже близко подходить, и у нее просто не было сил преодолеть этот страх. Обойдя своего неудачливого преследователя стороной, она направилась обратно к автобусу. Она надеялась, что хотя бы теперь сможет отдохнуть, потому что сил почти не осталось и ее шатало от усталости. Но покоя не было и здесь.

Из всех пассажиров, очнувшись за это время только рослая девушка – Марина, кажется. Теперь она металась вокруг автобуса, рыдала, размазывая по лицу слезы и грязь, и заламывала руки. Вряд ли это могло помочь остальным, и Агате пришлось вмешаться.

– Где все? – спросила она, подходя ближе.

Ей и самой хотелось просто упасть на землю и заплакать – что может быть проще? Но тогда, возможно, умрут остальные, а этого она допустить не могла. Агата слишком хорошо помнила, что авария произошла из-за нее.

– Внутри! – едва различимо проговорила Марина. Ее душили рыдания, руки у нее тряслись так, словно она только что выбралась из ледяной глыбы. – Они все в крови! Все!

– Ты вызвала «скорую»?

– Я не могу найти мой мобильный! Я не могу ничего найти! Боже, а если они умрут?

– Не умрут, – уверенно возразила Агата. Получилось убедительно, хотя до такой уверенности ей было далеко. – Возьми любой мобильный и срочно звони врачам!

– Что, и с чужого можно?..

– Можно, я разрешаю. Давай быстрее!

Марина сейчас была в таком состоянии, что подпускать ее к пострадавшим не следовало. Поэтому Агата отправила ее на поиски мобильного, а сама забралась обратно в перевернувшийся автобус.

Меньше всего, как ни странно, пострадала женщина, которая всю дорогу тряслась над своими сумками. Похоже, она сумела удержаться за кресло во время аварии и теперь даже пришла в себя. Но взгляд у нее был растерянный, она оглядывалась по сторонам, будто не понимала, где оказалась. Агата не решилась обращаться к ней – вспомнила ее стальную хватку на своих плечах. Если эта дама сообразит, что тут творилось, и решит напасть, станет только хуже.

Мужчина в костюме все еще не пришел в себя, однако и серьезных травм не получил. Он дышал спокойно и ровно, кровь на голове уже начала засыхать, а свежей рядом с ним не было. Агата на всякий случай перевернула его на бок и направилась к своему недавнему ненавистнику.

Молодому человеку досталось, и это Агату совсем не радовало. Первую травму лица он получил еще до аварии, а теперь, судя по кровавым следам, сильно ударился лбом о поручни. Он все еще был жив, но дышал неровно и хрипло, да и ссадина на месте удара оказалась пугающе глубокой. Ему врач был нужнее, чем мужчине в костюме или той женщине. К счастью, Марине, судя по голосу, удалось дозвониться до «скорой», и ждать оставалось совсем недолго.

Это почти позволило Агате успокоиться – почти. Когда она добралась до места водителя, эта мимолетная радость улетучилась.

На эту сторону автобуса пришелся самый безжалостный удар – столкновение с вековым деревом. Дверь возле кресла водителя погнулась, ржавый металл не выдержал такого натиска, и один из острых обломков угодил в шею пожилого мужчины, Андрея.

Кровь уже пульсировала вокруг раны, заливая рубашку, но пока кусок металла оставался внутри, шанс выжить еще был. Сам Андрей тоже понимал это – его глаза были открыты, и он как раз шоку не поддавался. Однако мужчина не решался даже пошевелиться, зная, что самое легкое движение может сместить металл, и тогда все будет кончено.

– Не двигайтесь! – велела Агата.

Оглядевшись по сторонам, она подхватила оброненный кем-то из женщин платок, сложила его и осторожно прижала к ране на шее водителя. Кровь все равно продолжала пульсировать у нее между пальцами, но уже медленней, поэтому на риск она пошла не зря.

Андрей встретился с ней взглядом, попытался сказать что-то, но кровь тут же хлынула у него по губам.

– Молчи! – уже строже приказала Агата. Сейчас было не до вежливости. – Ни одного слова! Просто не двигайся, дыши... все будет хорошо, я обещаю! Никто в автобусе не погиб, ты спас нас всех.

Он благодарно улыбнулся одними кончиками губ и прикрыл глаза, сосредоточившись на дыхании. А Агата замерла, прижимая платок к ране обеими руками. Теперь уже она боялась пошевелиться, хотя ее собственная боль вернулась с удвоенной силой, а пятна, плясавшие перед глазами, становились все темнее.

Но она все равно держалась, зная, что без нее он умрет здесь – а Андрей меньше всех заслужил этого! Поэтому она терпела и надеялась, что не потеряет сознание до того, как «скорая» доберется до этого богом забытого участка дороги.

* * *

Она несколько раз чуть не умерла. Она была виновна в гибели человека, пусть и косвенно. Нравится, не нравится, а с этим надо жить. Сначала Агата понятия не имела, почему ее жизнь, мирная, обычная, предсказуемая, в один миг покатилась под откос. Но полицейские,

навестившие ее в больнице, рассказали ей, как все было на самом деле. Она стала жертвой не внезапно, как казалось ей самой. Ее выбрали на эту роль за несколько месяцев до похищения.

Она работала на крупную компанию, которая всех своих сотрудников обеспечила расширенной медицинской страховкой. Агата могла не только обратиться в частный медицинский центр за помощью, но и раз в год пройти там полное обследование. Только это ей и было нужно: болезни ее не беспокоили, она даже не помнила, когда последний раз простужалась. Поэтому ей было проще вспоминать о делах медицинских всего раз в год и с чистой совестью забывать.

А на сей раз у нее появилась дополнительная причина спешить в этот центр. Ее курирующим врачом был назначен Алексей Владимиров – молодой терапевт, улыбчивый, похожий на голливудского актера, который надел белый халат только для роли. Когда съемки будут закончены, он обязательно сядет в роскошный кабриолет и уедет в закат.

Агате было легко общаться с ним, да и он флиртовал без сомнений. Когда обследование было завершено, – а произошло это быстро, потому что медики снова ничего не нашли, – он сам позвонил недавней пациентке. Теперь, когда они больше не были связаны работой, он мог пригласить ее на свидание, и она согласилась без сомнений.

Это был самый стремительный роман в жизни Агаты. Все развивалось не только быстро, но и правильно, будто она так и осталась в фильме с Алексеем в главной роли. Уютные кафе и поездки за город. Кино и театры. Выставки и презентации. Они встречались почти каждый день, даже если оба были заняты. Он никогда не приходил без цветов, и скоро Агата вынуждена была раздавать их подругам, чтобы ее небольшая квартира не напоминала цветочный магазин.

Конечно, иногда такая стремительность настораживала ее, но она не могла найти ни одной причины, по которой Алексей обманывал бы ее. Зачем ему это? Денег у нее было не так уж много, а платил на всех свиданиях он. Она не была ни родственницей миллиардера, ни наследницей, у нее не было связей, способных помочь ему в карьере. Агата много думала про их встречи, но так и не смогла найти подвох. Тогда она решила расслабиться и наслаждаться моментом. Вдруг это и правда судьба? Можно ведь спугнуть неожиданное счастье, если все время сомневаться в нем!

Правда, кое-что странное в их отношениях все же было. Уже на второй неделе знакомства она пригласила его к себе – «на чашку кофе». Стрелки часов близились к одиннадцати вечера, и они оба понимали, что кофе здесь совсем не при чем. Однако Алексей отказался! Вежливо, без неловкости, и Агата была слишком смущена, чтобы выпрашивать его о причинах. Но когда через несколько дней все повторилось, она не сдержалась.

– У нас с тобой все так красиво, что я не хочу это портить, – пояснил он. – Мои прошлые отношения развалились из-за спешки. Мне кажется, с тобой у нас есть шанс на что-то серьезное. Пусть все идет своим чередом.

Прозвучало вроде и красиво, но как-то неестественно – со стороны молодого здорового мужчины. Впрочем, Агата так боялась отпугнуть или разочаровать его, что решила на время забыть о своем удивлении.

Да и времени-то прошло немного, они встречались чуть больше месяца. Она думала, что все хорошо. Полицейские рассказали ей, что никакой бескорыстной романтики на самом деле не было.

Алексей Владимиров, работавший в нескольких медицинских центрах, был связан с преступной организацией, занимавшейся продажей человеческих органов. Он находил среди пациентов подходящих доноров и указывал на них своим сообщникам. Благодаря базе данных медицинского центра он мог проверить не только состояние здоровья жертвы, он узнавал адрес, место работы, с помощью этого вычислял круг общения.

Поэтому невольными донорами становились в основном молодые одиночки. Иногда они пропадали без вести, иногда – погибали в несчастных случаях, причем таких, которые оставляли их тела изуродованными, и никто бы не заметил, какие органы были раздроблены, напри-

мер, аварией, а какие – просто пропали. Этим людей оплакивали, но у них не было никого, кто хотел бы найти их или разобраться в их смерти во что бы то ни стало. Двадцать первый век стал веком цифрового одиночества: в сети люди общались чаще, чем в реальной жизни. Поэтому когда человек пропадал, для большинства его знакомых это означало лишь погасшую зеленую точку в общем чате.

Пройти мимо такой цели, как Агата, Владимиров не мог. Она не просто подходила одному из клиентов – ее абсолютное здоровье было такой редкостью, что она стала особой жертвой. Почти все ее органы можно было использовать, она стояла в целом состоянии. Поэтому Владимиров не хотел упускать ее, он сам принялся за слежку. Он притворился влюбленным Ромео, чтобы побыстрее узнать, кто ее окружает, кто может защитить, кто станет мстить, если она погибнет.

Оказалось – никто. Все приятели Агаты и коллеги по работе могли разве что прийти на похороны с двумя тюльпанами. Для них она была просто знакомым лицом в толпе. Владимиров торжествовал: все складывалось идеально. Когда подготовка была завершена, он объявил своим сообщникам, что «груз» можно забирать.

Ее похитили прямо из дома. Ключи от ее квартиры у Владимирова давно были – сама Агата не давала их ему, он поручил своим помощникам сделать дубликат, пока они были в театре. Так что когда она вернулась домой тем поздним вечером, ее уже поджидали. Агата не успела понять, что происходит, не успела даже свет включить, когда к ее лицу прижали тряпку, смоченную в жидкости с резким химическим запахом. Она поддалась панике, от неожиданности сделала несколько глубоких вдохов – и потеряла сознание. Для надежности ей вкололи снотворное, подобранное Владимировым, и вывезли за город, в лесной дом, где проходили все нелегальные операции.

До этого момента все шло точно по их плану, но вот дальше начались проблемы. Владимиров внимательно наблюдал за Агатой, он знал ее рост и вес, он лично рассчитал дозу препарата так, чтобы укол не убил ее, но и не позволил проснуться в ближайшие сутки. Однако по какой-то немыслимой причине ее организм преодолел химический дурман почти на десять часов раньше положенного срока. А тут еще и хирург, которому предстояло провести операцию, задерживался из-за проблем на дороге, поэтому Агата осталась одна.

Проснувшись, она не помнила, как ее похитили и, естественно, не представляла, кто это устроил. Но по своему окружению она легко догадалась, для чего это сделали. Умирать ей не хотелось, она бросилась бежать.

Охранники обнаружили ее исчезновение, когда заметили, что дверь в подвал, переоборудованный под операционную, открыта. Дальше все произошло так, как и догадывалась Агата: они нашли ее следы в лесу, добрались до дороги, разглядели на земле отпечатки автобусных шин. Началось то самое преследование, которое чуть не стоило жизни всем, кто находился в автобусе.

Но – обошлось. Они все вышли из этого живыми, хотя нельзя сказать, что невредимыми.

Андрей Седов, пожилой водитель автобуса, все-таки дождался приезда медиков. Рана на шее была серьезной, но благодаря помощи Агаты смертельной потери крови удалось избежать. Вместе с Агатой Андрея направили в Москву, остальных же развезли по местным больницам – их раны были неопасны и жизни не угрожали.

Марина, молодая официантка, и Ольга, владелица деревенского магазинчика, отделались легче всех. Они получили ссадины и ушибы, обе были в шоке, но не более. Марина поддалась нервному срыву, врачам пришлось сделать ей укол успокоительного. Ольга, чуть оправившись, все спрашивала окружающих, не посадят ли ее за то, что она хотела высадить Агату из автобуса. Потому что она никому зла не желала. Честное слово. Она с самого начала хотела помочь «бедной девчужке». Ольга успокоилась, лишь когда ей сказали, что Агата ее ни в чем не обви-

няет. Когда с этим было покончено, она вдруг испугалась: а не украл ли кто-нибудь из спасателей ее сумки, пока она была занята?

Александр Нестеренко, директор школы, получил травму головы средней тяжести – причем не во время аварии, а из-за «партизанской диверсии» со стороны столичного гостя. Едва придя в себя, он уже требовал выписать его, потому что «как же школа?!». Врачам с трудом удалось уговорить его остаться хотя бы на пару дней, чтобы они могли понаблюдать за ним.

Константин Дьяконов, молодой москвич, приехавший в провинцию за красивыми фотографиями и вдохновением, тоже пришел в себя быстро. И он был преисполнен возмущения. Врачи сказали ему, что у него сломан нос и рассечена кожа на лбу, этот же удар стал причиной сотрясения мозга. Константин жаждал мести, которую сам он звал справедливостью. Он требовал дать ему бумагу и ручку, он готов был писать заявления на всех – на Агату, водителя и даже Александра Нестеренко, которого сам же и ударил по голове. Но одного разговора со следователем оказалось достаточно, чтобы Константин затих и принялся названивать кому-то в Москву, выясняя, какая ответственность полагается по той или иной статье...

Но главное, все они были живы, а в такой ситуации это стало настоящим чудом. Их следователям повезло куда меньше.

Оба охранника пережили столкновение с бетонной оградой, хоть и получили при этом серьезные травмы. Водитель потерял сознание, в себя его привели медики. А вот охранник, сидевший рядом с ним, очнулся на месте аварии. При таких травмах, которые позже обнаружили на его трупе, он вообще не должен был двигаться. Однако он или был слишком зол на Агату, или поддался состоянию аффекта и вообще не понимал до конца, что делает. Он выбрался из машины и погнался за ускользнувшей жертвой, вместе с ней вошел в лес – где и погиб.

Никто не обвинял Агату в его смерти, никто даже не думал об этом. Но сама она никак не могла вычеркнуть из памяти его последний крик, он снова и снова возвращался к ней в те редкие ночи, когда ей удавалось ненадолго заснуть. Ей оставалось лишь надеяться, что рано или поздно это пройдет. Все ведь проходит!

Выживший водитель внедорожника преданностью своим боссам не отличался. Когда ему предложили выдать сообщников, чтобы облегчить собственную участь, он заговорил сразу и без сомнений, назвал все имена и контакты, что были ему известны. Так что в один день полиция задержала и Алексея Владимирову, и хирурга, который должен был убить Агату, и нескольких руководителей проекта – а уже они принялись называть другие имена.

– Не переживайте, все скоро закончится, – сказал ей на прощанье следователь. – Это только кажется, что такой сорняк черта с два вытянешь. Когда они начинают говорить, это уже, считай, конец. Остальное – дело техники. Так что скоро вернетесь к привычной жизни.

Агата нервно улыбнулась ему. Следователь всего лишь выполнял свою работу, он не был близким другом, которому она могла бы сказать, что привычной жизни больше нет. Да, ей удалось спастись. Но весь ее мир перевернулся с ног на голову!

Предательство Алексея ударило по ней больнее всего. Она ведь верила ему, она не сомневалась, что он искренен с ней, потому что не хотела сомневаться. Теперь Агата чувствовала себя полной дурой. Были десятки знаков, сотни маленьких деталей, намекавших, что что-то не так! Почему она закрыла глаза? Почему позволила управлять собой?

Да и собственное одиночество она раньше не чувствовала так остро. В ее жизни хватало людей, которые исправно поздравляли ее с днем рождения и здоровались при встрече. Она никогда не задумывалась о том, сколько из них стали бы искать ее, если бы она пропала. Кто вообще думает о таком? Но когда Агата задала себе этот вопрос, она не смогла назвать ни одного имени. Наверно, это означало, что где-то в жизни она свернула не туда. Пока ей сложно было принять такую правду.

Она не могла жить в квартире, из которой ее так легко похитили. Она боялась спать по ночам, потому что снова оказывалась в том лесу и, оборачиваясь, видела за собой труп, повешенный на сухих ветвях. Он уже был мертв, а его крик эхом разносился по лесу, заставляя Агату просыпаться в холодном поту. Ей не к кому было обратиться за помощью, и в этом была виновата только она сама. А как это исправить, она не знала, потому что после того, что сделал Владимиров, ей было страшно снова поверить кому-то.

Так что следователь ошибся. Вернуться к прежней жизни не получится.

* * *

Все было намного проще, чем некоторые думают. Люди вообще склонны усложнять. Если не воспринимать эту жизнь всерьез, все начнет получаться быстрее и легче, чем раньше. Поэтому Ян давно не строил из себя вечно сурового умника. Он прекрасно знал, что улыбка заведет его дальше, чем философские рассуждения, и играл свою роль с привычным мастерством.

Он уже слышал о том, что к необычной пациентке не раз пытались пробраться журналисты – и все они благополучно отправились восвояси. Сначала их не пускали полицейские, дежурившие у палаты. Ян прекрасно знал, что договориться с ними невозможно, и терпеливо ждал. Потом, спустя пару недель, охрану убрали, но врачи и медсестры, сочувствовавшие той девчонке, оградили ее от мира так, что сам Цербер скулил бы от зависти. Подкуп и лесть не помогали никому – кроме Яна. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, к кому из персонала обратиться можно, а от кого лучше держаться подальше.

– Нельзя к ней, – лепетала медсестричка, застенчиво отводя взгляд. – Велели не пускать...

– Велели не пускать тех, кто на ее истории нажиться хочет, – уточнил Ян. – Но я-то ей помогу!

– Как это? – смутилась девушка.

– Она стала частью серьезного преступного заговора. Что если ее попытаются убрать, как нежелательную свидетельницу?

– Полиция сказала, что все опасные люди уже схвачены...

– Полиция всегда так говорит, – вздохнул Ян. – Как бы они выглядели, если бы не умели врать уверенно? А я смогу добиться для нее реальной защиты, когда ее история станет известна миру.

– Она не хочет ни с кем говорить.

– Это она так думает. Многие люди настроены против журналистов, а зря. Давайте сделаем так: вы просто пропустите меня к ней, я с ней поговорю, а если она будет против, я уйду. Она ведь взрослый человек, предоставим выбор ей!

Еще одна лучезарная улыбка, еще один взгляд прямо в глаза – и медсестричка поплыла. Иначе и не могло быть: Ян видел, что на пальце у нее нет кольца, что маникюр она давно не делала, хотя теперь застенчиво прятала от него ногти, что никакой макияж не мог скрыть темные круги под ее глазами. Она была новичком здесь, всю себя отдавала работе, и времени на свидания не оставалось. Теперь ей отчаянно хотелось понравиться ему, она была готова на многое, и поверить в его аргументы оказалось очень просто.

Воровато оглядываясь по сторонам, она привела его к нужной двери.

– Пусть будет по-вашему, – заявила она. – Но попытка у вас всего одна. И не подставляйте меня, пожалуйста!

– Подставлять я вас в любом случае не буду, – заверил ее Ян. – Вы лучше отойдите от двери. Если наша дорогая Агата все-таки решит меня испугаться и поднимет крик, ей не стоит вас видеть. Меня выдворят отсюда, может, полицию вызовут, но это будет не ваша забота.

Контрольное подмигивание – и девчонка уже благодарно кивает ему. Она ведь и правда верит сейчас, что это он помогает ей, он защищает ее от разоблачения, она успела забыть, с чего все началось. Женщины!

Ян прекрасно знал, что завтрак в больнице уже был, врачебные обходы – тоже, и до обеда никто их беспокоить не будет. Главное, чтобы сама эта девица не начала вопить.

Из-за частых допросов ей выделили маленькую одиночную палату, и это было на руку Яну, избавляло его от необходимости выпроваживать ее соседок. Когда он вошел, девушка безучастно смотрела в окно, но звук открывшейся двери привлек ее внимание.

В жизни она выглядела лучше, чем на фото, которое видел Ян. Агата Байкалова смотрелась значительно моложе своих двадцати семи – возможно, из-за того, что в больнице она и не думала краситься. Бледная, осунувшаяся, но не утратившая спортивную форму, которая в этом лесу спасла ей жизнь. Ее раны уже зажили, хотя кое-где следы еще угадывались на светлой коже. Ее волосы, совсем недавно длинные, тяжелым светлым полотном закрывавшие всю спину, теперь были неаккуратно острижены на уровне плеч. Зеленые глаза следили за ним с тревогой, она без труда поняла, что он не из врачей.

Она будет не такой легкой мишенью, как медсестра. Возможно, даже сложной, после всего, что она уже пережила. Поэтому и общаться с ней нужно было совсем не так, как с той молоденькой дурочкой.

– Вы кто? – холодно спросила Агата.

– Ян Кератри, журналист.

– И какого черта?..

– Но здесь я не как журналист, – торопливо прервал ее Ян, опасаясь, что она позовет на помощь. – Я на вашей стороне.

– Серьезно? – хмыкнула Агата.

Она подняла подушки повыше, села на кровати, опираясь на них спиной. Судя по легкости движений, она полностью восстановилась после недавних травм. Иного Ян и не ожидал.

– Я сейчас не работаю ни на одно издание, которому была бы интересна ваша судьба, – уточнил он. – Поэтому наш разговор останется между нами.

– Почему я должна верить в это?

– Потому что я сразу сказал, кто я. Мог бы и следователем назваться.

– Я самопровозглашенным следователям тоже не спешу верить.

Он лишь усмехнулся и достал из кармана джинсов полицейское удостоверение; таких игрушек у него хватало. Может, профессионал и определил бы подделку, но Агата точно не смогла бы – и не стала притворяться.

– Это делает вас хуже, а не лучше, – заметила она. – То, что у вас вообще есть эта штука. Но, допустим, я поверила в вашу искренность. Что с того? Как вы можете мне помочь? Начнем с того, что я в помощи не нуждаюсь.

– Это вы так думаете. Агата, писать про вашу историю я не собираюсь – хотя, честно, респект. Это было круто. Но тут меня больше интересует человек, который, возможно, начнет охотиться за вами.

– Полиция сказала, что мне ничего не угрожает, – нахмурилась Агата. – Все, кто был связан с моим похищением, давно сидят и сидеть будут долго!

– Охотно верю. Но речь идет не о той группировке, которая вас похитила. Вы привлекли внимание, Агата. Иногда это очень плохо.

Во время разговора он не сводил с нее глаз. Яну нужно было разгадать ее, понять, о чем она думает, и тогда ею можно было бы манипулировать так же просто, как той медсестрой. Но во взгляде Агаты все еще таилась тень, оставленная недавними событиями. Кое-что Ян понимал, однако он ни в чем не был уверен, и это его смущало, он к такому не привык. Пока он даже не решил, можно ли переходить с ней на «ты», поможет ли это или, наоборот, отпугнет ее.

Но так даже интересней.

– Кого же такого страшного я привлекла? – поинтересовалась Агата. – И чем? Что, я единственный человек в этой стране, которого можно разобрать на органы?

– Дело не в органах. Дело в твоей крови.

Он все-таки перешел на «ты». Агата раздраженно поморщилась, но поправлять его не стала. Значит, она уже была заинтригована их разговором.

– Что же не так с моей кровью?

– Вопрос в другом: почему с ней все так? Из-за этого тебя и выбрал Владимиров.

– Он выбрал меня, потому что я здорова и подходила им, – возразила она.

– Ага, конечно, только поэтому. А знаешь ли ты, что до истории с тобой Владимиров действовал гораздо осторожней? Он никогда не общался с будущими жертвами напрямую, не сдавал своих пациентов, предпочитая пациентов коллег. Он делал все, чтобы следствие не вышло на него, если бы что-то пошло не так. А с тобой он вылез на передовую. Почему?

– Потому что речь пошла об очень больших деньгах? – неуверенно предположила Агата.

– Это, скорее, следствие, а не причина. С тобой что-то не так. Мне удалось взглянуть на некоторые записи, сделанные Владимировым. Он считал, что у тебя есть некая врожденная особенность, которая делает тебя отличным донором, шансы того, что твои органы приживутся, гораздо выше, чем в любом другом случае. Он мог доказать это клиентам. Поэтому ты была не просто выгодным товаром, Кровавая Мэри, он планировал продать тебя раза в два дороже, чем обычного донора.

– Не называй меня так, – возмутилась Агата. – Мало того, что хамишь сразу, так еще это! Почему я должна верить тебе? Откуда мне знать, действительно ты видел записи Владимирова или придумываешь на ходу?

Тут она его подловила: врать Ян умел. Никто и никогда не смог бы определить, когда он говорит правду, а когда несет первое, что на ум придет. Ирония заключалась в том, что на этот раз он не врал ей.

Алексей Владимиров не мог сказать, в чем именно особенность крови Агаты, тут нужны были дополнительные исследования, а он спешил, не хотел примелькаться рядом с ней. Но в одном он был уверен: ее жизнь стоила очень дорого.

– Доказательств у меня нет, – развел руками Ян.

– Тогда, думаю, тебе лучше уйти.

– Рано еще.

– Я сейчас врача позову! – возмутилась она.

– Да подожди ты! Это еще не все. Если не веришь мне, вспомни то, что ты знаешь наверняка.

– Это что же?

– Твое чудесное пробуждение, – напомнил Ян. – Тебе хоть кто-то смог объяснить, почему ты проснулась задолго до того, как твои внутренности распихали по ящикам?

– Проснулась – и хорошо!

– Это не ответ на мой вопрос.

Ответа у нее не было, Ян видел это. Потому что его и не могло быть. По всем законам медицины, она не должна была проснуться. Врачам оставалось лишь строить предположения – от некачественного препарата до индивидуальной реакции. Все варианты были одинаково подходящими и размытыми.

– Здесь мою кровь проверили, и не раз, – отметила Агата. – Если бы со мной было что-то не так, они бы сказали мне!

– Они просто не знают, что искать.

– А ты знаешь?

– Я – нет. Но тот, кто будет охотиться за тобой, знает.

– Кто же это?

– Сама поймешь, если встретишь его, – отозвался Ян. – Но в твоих же интересах позвать меня, когда это случится. Он опасен.

– Нет, все! – Агата показательно подняла вверх обе руки. – Мой лимит доверия на сегодня исчерпан. Уходи, пожалуйста.

– Послушай, я...

Теперь уже она перебила его:

– Ты – какой-то невнятный журналист, имя которого я даже не запомнила. Приходишь сюда, показываешь фейковое удостоверение, ждешь, что я поверю непонятно во что. Ведешь себя так, будто мы с тобой давние друзья-товарищи, при встрече только на брудершafft и пьем.

Удивительно, почему же мне это не нравится?

– Я могу помочь тебе.

– Ты не можешь мне помочь. Уходи мирно, пока есть возможность.

– Агата...

– Я сейчас закричу, – предупредила она, и Ян чувствовал: это последнее предупреждение.

Ее нежелание видеть правду вызывало лишь досаду. Насколько проще стала бы жизнь, если бы этой девицей можно было управлять, как той медсестрой! Но в неожиданных трудностях есть свой шарм.

Ян видел, что она действительно готова закричать, поэтому он не стал настаивать. Он покинул ее палату, не прощаясь; он знал, что она будет думать над его предостережением. Она сейчас в том положении, когда только и остается, что думать!

Покидая больницу, он заметил в толпе знакомое лицо. Это должно было удивить или даже обрадовать его, однако Ян пока ничего не чувствовал. Слишком предсказуемо, Агата была очевидной добычей, которую *он* не мог пропустить. Ян это знал, Веренская – тоже.

А значит, все шло по плану.

* * *

Нужно было выписываться из больницы, потому что ее палата превратилась в проходной двор. Сначала появился этот мутный журналист, который мог оказаться совсем не журналистом, потом, когда она не устроила скандал, врачи стали пускать к ней других представителей прессы. Агата подозревала, что медикам за это приплачивают, но доказать ничего не могла.

Вот и теперь перед ней сидел какой-то скользкий тип, который не смог даже толком объяснить, кем он работает.

– Я помогаю людям, оказавшимся в вашей ситуации, – заявил он. – Вот моя визитка.

На карточке значилось только «Дмитрий Гриценко. Консультант» и несколько телефонных номеров.

– За какой же консультацией к вам можно обратиться? – поинтересовалась Агата.

– За любой. Бывают ситуации, когда человек просто оказывается в тупике. Я помогаю ему сам и нахожу людей, которые могут помочь. Юристы, врачи, кредиторы, что угодно.

– Слово «кредиторы» очень радует сейчас.

– Вы меня не так поняли, – покачал головой Дмитрий. – Кредиторы нужны тем, кто, например, нуждается в срочном дорогостоящем лечении и не может ждать, пока благотворительные фонды соберут помощь. Это не ваш случай. С каждым клиентом я работаю индивидуально, оплата тоже обговаривается отдельно.

– То есть, вас нужно воспринимать как доброго самаритянина? – Агата даже не пыталась скрыть иронию.

– Не совсем. Свой доход я получу. Но, поверьте, для вас это не станет проблемой. Я зарабатываю на жизнь, а не наживаюсь на чужом горе. Моя задача – сделать так, чтобы это

сотрудничество было выгодно нам обоим. Я помогаю вам начать новую жизнь: найти квартиру, работу, возможно, переехать в другой город. Вы же платите мне за это, когда у вас есть такая возможность. Все просто и честно.

– Спасибо, я подумаю об этом.

На самом деле, она и думать не собиралась, ей просто хотелось, чтобы он оставил ее в покое. Доверия этот «консультант» не внушал. Невысокий, полный, с редкими волосами и каким-то масляным взглядом карих глаз. Хотя можно ли вообще судить по внешности? Алексей, вон, выглядел как ближайший родственник греческого бога. А что это изменило?

Среди ее гостей в последнее время не было тех, кому она готова была поверить. Даже тот журналист, что навестил ее первым, был каким-то странным. Высокий, причем необычно высокий – на голову поднимающийся над толпой. Черты лица нездешние, не классически красивые, но этим и запоминающиеся, кожа светлая, а волосы, напротив, угольно-черные – так он и становился кумиром медсестер, плясавших потом под его дудку. Для Агаты больше значила не эта лисья привлекательность, а небрежность, которая чувствовалась во всем его образе – одежде, взлохмаченных волосах, жестах и манере говорить. Ему нельзя было верить.

Да никому верить нельзя! Ему, Дмитрию этому... всем. Алексей показал ей, что надеяться можно только на себя.

Дмитрий, похоже, понял, что ничего от нее не добьется. Он наконец оставил ее в покое, хотя его визитка по-прежнему лежала на прикроватной тумбочке.

– Позвоните мне, когда будете готовы, – сказал он напоследок.

– Непременно, – солгала Агата.

Нет, определенно нужно уходить. Оставалось только пересилить себя, заставить вернуться в ту самую квартиру. Рано или поздно придется сделать это! Выбора все равно нет: позволить себе жизнь в отеле она больше не могла, оставшиеся деньги нужно было тратить с умом.

Агата думала, что жизнь, привычная или нет, начнет налаживаться, а стало только хуже. В больнице ее навестили коллеги, принесли с собой еду, подарили новую одежду – белье, спортивный костюм, халат; у нее ведь ничего не было, когда ее привезли сюда. Это было мило и трогательно, однако радость долго не продлилась. Под конец своего визита они решились объявить ей, что она уволена.

Компания тоже оказалась втянута в эту историю из-за договора о страховке. Руководителей допрашивали, проверяя, не связаны ли они с тайным бизнесом Владимирова. Они не простили Агате то, что не было ее виной.

Единственной милостью с их стороны было разрешение самой написать заявление и уволиться по собственному желанию. Если бы она отказалась, стало бы только хуже. Такого Агата не ожидала, и хотя определенные накопления у нее были, разбрасываться деньгами она сейчас не могла.

Нужно было брать себя в руки и начинать жизнь заново, выписка из больницы стала бы первым шагом к этому. Однако Агата все не решалась, медлила. Не только из-за трудностей, с которыми ей предстояло столкнуться, но и из-за предупреждения того неряшливого журналиста. Бред, конечно, и все же... Что если он прав? Что если кто-то действительно охотится за ней из-за ее крови?

Если постоянно думать об этом, можно и с ума сойти. Поэтому Агата упорно пыталась забыть разговор с журналистом – до одной ночи. Она проснулась после очередного кошмара, когда за окном еще было темно, а в здании царила тишина. Но именно в этой тишине выделялись два голоса, доносившиеся из коридора.

– Это уже точно? – нетерпеливо спросил один. – Наверняка?

Она знала этот голос! Может, через неделю уже и не опознала бы, но Дмитрий заходил к ней только этим утром – а теперь беседовал с кем-то посреди ночи у дверей ее палаты.

Голос, ответивший ему, тоже был знаком Агате. Как она могла не узнать своего лечащего врача?

– Сомнений больше нет. Андрей Седов был носителем вируса гепатита С. Он даже не знал об этом, но болел много лет.

– Так бывает?

– Иногда бывает, и в этом нет ничего сверхъестественного. Он узнал бы о болезни через ее осложнения, рано или поздно. Но нам ведь не это важно! Агата абсолютно здорова. Мы провели уже три теста.

– Может, это какой-то инкубационный период?

– Мы наблюдаем за ней больше двух недель и используем самые точные тесты, что вообще есть в распоряжении медицины. Она не заражена.

Этому Агата была рада – она ведь даже не знала, в какой опасности находилась! Никто не сказал ей... да и сейчас не говорил. По сути, она подслушивала то, что врач давно должен был объявить ей открыто.

– Она могла не заразиться случайно? – допытывался Дмитрий.

– Такое везение еще менее реально! Обычно достаточно небольшого количества крови для заражения – вплоть до укола одним шприцом. Но Агата зажимала открытую рану Седова, когда ее собственные руки были покрыты порезами. Она была вся залита его кровью! Она должна была заразиться.

– Может, она заразилась и выздоровела?

– Не за такой срок, – ответил врач. – Она просто не была больна. Я не могу это объяснить.

– Вам и не нужно, остальное беру на себя я.

Они говорили тихо, и все равно Агата слышала, что они приближаются к ее палате. Она замерла, накрывшись одеялом до самых глаз, притворилась спящей. Ее билась нервная дрожь, но Агата надеялась, что плотная ткань скроет это. На секунду ей вдруг показалось, что она снова попала в ту лесную хижину...

Дверь открылась, в темную палату скользнул луч света из коридора. Заходить доктор и его гость не спешили, они наблюдали за Агатой с порога.

– Когда ее выписывают? – поинтересовался Дмитрий.

– Завтра. Ее и так здесь продержали дольше, чем полагается, чтобы закончить все тесты для вас. Но завтра я предупрежу ее, что пора уходить.

– Во сколько?

– В двенадцать, – сообщил врач. – Вам что-то еще нужно?

– Нет. Просто выпишите ее, все как обычно, а остальное – моя забота.

Свет исчез, дверь закрылась, голоса начали удаляться. Однако Агата еще несколько минут не могла шелохнуться от страха. Она вдруг четко поняла, о ком предупреждал ее тот журналист.

Просто забыть и сделать вид, что ничего не было, уже не получится. С ее кровью и правда что-то не так, придется признать это. Она не представляла, что, да и врачи, видимо, тоже. Но ничего хорошего в этом неожиданном даре Агата не видела.

Она не собиралась дожидаться завтрашнего дня. Если у нее и был шанс сбить им все планы, то только сейчас. Поэтому, оправившись от шока, она выбралась из постели, торопливо натянула спортивный костюм, подаренный коллегами, теперь уже бывшими. Больше у нее ничего не было – ни телефона, ни документов, ни ключей от квартиры. Даже обуви нормальной, и то не было, только матерчатые больничные тапки! Но все это Агата могла раздобыть потом, сейчас ей нужно было как можно скорее покинуть больницу.

За пациентами никто особо не следил – смысла не было. Здесь находились те, кто уже не рисковал без помощи врачей отправиться на тот свет, и ни у кого из них не было причин

внезапно сбегать посреди ночи. Поэтому медсестры иногда обходили коридоры для очистки совести, но большую часть ночи проводили в комнате отдыха.

Агата осторожно выглянула в коридор и, убедившись, что на посту никого нет, двинулась к лестнице. Мягкие тапки, неудобные в любых других обстоятельствах, сейчас спасали, делая ее шаги беззвучными. Не нарушая ночную тишину, она добралась до выхода на лестничную клетку.

На ночь эту дверь запирали, но изнутри ее можно было открыть простым поворотом замка, ключи нужны были тем, кто находился снаружи. Поэтому дверь не стала препятствием, и скоро Агата уже спускалась по ступеням, освещенным лишь долетавшим через окна светом уличных фонарей.

Ей казалось, что все и дальше будет просто. Она ушла от наблюдения, осталось только вырваться в теплую летнюю ночь – и она свободна! Но на первом этаже ее ждало разочарование: главные двери открыть без ключа не получалось. Их запирали надежно, на всю ночь, до начала утренней смены. Ждать так долго Агата не могла, однако и что делать дальше – не знала.

Она застыла перед дверью, пытаясь понять, как быть. Попробовать вскрыть замок? Не вариант, в жизни она такого не делала, и сейчас не получится. Ломать дверь? Сил не хватит. Выбить окно? Слишком много лишнего внимания – и проблем в будущем.

Но что еще ей оставалось, вернуться в свою палату и ждать, надеясь, что ей удастся ускользнуть утром? Агата не готова была пойти на это, тело просто отказывалось двигаться с места, когда свобода так близко!

Пока она раздумывала, замок неожиданно щелкнул. Дверь открылась прямо перед Агатой, однако путь на свободу все равно был перекрыт – на пороге стоял высокий мужчина. Слишком высокий, чтобы не узнать его даже в полумраке.

– Ты?.. – только и смогла произнести Агата.

– Я, – журналист ответил так, будто ничего особенного и не происходило. Подумаешь, ночной побег из больницы! – Нам обоим лучше уехать, идем.

Но следовать за ним Агата не спешила.

– Как ты здесь оказался? Да еще и именно сейчас!

– Не именно сейчас, – поправил он. – Я наблюдаю за окнами с вечера. Были у меня основания полагать, что ты захочешь смыться, когда поближе познакомишься с Димочкой.

– Так ты знаешь его? Это о нем ты меня предупреждал?

– О ком же еще? – пожал плечами журналист. – Слушай, поболтаем в машине, если хочешь. Сейчас тебе нужно решить, куда идти – обратно или со мной. Можешь, конечно, и самостоятельно бежать, опыт есть. Но ты уверена, что готова к этому?

Хотелось ему отказать – прямо сейчас, решительно. Уйти в ночь и больше никогда его не видеть. Но Агата понимала, что он прав. Ее собирались снова втянуть в чужую игру, о которой она ничего не знала. Избавиться от своей крови она не могла, а жить хотелось, настало время выбирать союзника. Из этих двоих, журналист нравился ей лишь немногим больше, чем Дмитрий.

– Делай выбор, Кровавая Мэри, – поторопил ее он.

– Я с тобой, – объявила Агата. – И не называй меня Кровавой Мэри!

* * *

Если бы он хотел напасть на нее, он мог бы сделать это в любой момент после того, как они отъехали от больницы. Яну даже не нужно было заманивать ее в заброшенное здание или глухой переулок. Он был настолько сильнее ее, очевидно сильнее, что свернул бы ей шею до того, как она успела бы крикнуть.

Если бы захотел. А он, похоже, не хотел.

Но и рассказывать, что происходит, не спешил. Они кружили по пустым предрассветным улицам, словно запутывали след, хотя за ними никого не было. При этом Ян не смотрел на карту и не включал навигатор, он точно знал, куда им нужно попасть. Иногда он косился на свою спутницу, словно ожидая, когда же она задаст очевидный вопрос. Однако у Агаты голова шла кругом от всего, что уже случилось, ей нужно было время, чтобы смириться с этим.

Когда небо окрасилось розовыми лучами раннего летнего рассвета, они выехали за пределы Москвы.

– Спать не хочешь? – поинтересовался Ян. – Можешь перебраться на заднее сидение.

– Спать не хочу. Кофе хочу.

Она не лгала – спать ей сейчас хотелось меньше всего. Нервное напряжение до сих пор не отпускало ее, даже теперь, когда она сбежала из больницы и загадочный Дмитрий уже не мог ее найти. Агата по-прежнему не знала, кто опасней – он или Ян. Как можно заснуть, когда твоя жизнь вышла из-под контроля, и тебя даже лечащий врач готов продать?

Они не стали отъезжать далеко от столицы, свернули к престижному коттеджному поселку, но не остановились там. Дорога, по которой они ехали, миновала ряды небольших элитных особняков и снова скользнула в старый сосновый лес. Уже там, среди вековых деревьев, золотистых в солнечном свете, Агата увидела их цель – дорога здесь просто заканчивалась, других вариантов не было.

Среди сосен укрылся высокий каменный забор с декоративными кованными вставками, ограждавший от мира солидный участок леса. Там среди зелени притаился дом, превосходивший любой из коттеджей в поселке. Классические формы, просторные балконы, башни и ступенчатая кровля придавали ему сходство со сказочным замком, однако сдержанные тона и обработка натуральным серым камнем избавляли особняк от излишнего пафоса, обеспечивая ему необходимую дорожную строгость. Большие окна и стеклянные двери занимали чуть ли не половину стен, но на уровне первого этажа все они были укреплены ажурными кованными решетками. Это, да еще камеры наблюдения на заборе, Агате не понравилось, хотя на сам дом она невольно засмотрелась издали.

Когда их автомобиль подъехал ближе, открылись ворота, впусившие их на огороженную территорию. Здесь не было сада или клумб, но работа дизайнера все равно чувствовалась: вместо асфальта использовали аккуратные булыжники желтого и розоватого цветов, чтобы обустроить парковку, а узкие дорожки для прогулок гармонично вписывались в естественную красоту старого леса.

Ян припарковал машину под деревянным навесом; других автомобилей здесь не было. Не дожидаясь, пока он поможет ей выйти, Агата выбралась сама. Она по-прежнему не расслаблялась, хотя в таком месте это было непросто – здесь все дышало спокойствием и умиротворением.

Ее спутник показательно потянулся, шумно втянул носом воздух.

– Обожаю это место! – заявил он. – Правда, потом все время в сон клонит! Надышишься тут этими соснами...

– Где мы? – прервала его Агата.

– В гостях.

– У кого? Чей это дом?

– Сейчас познакомлю. Да не дергайся ты, все нормально!

Возможно, для него все и было нормально, однако Агата не собиралась поддаваться очарованию леса. Особняк указывает, что с деньгами у его владельца проблем нет. Что если он купил ее так, как хотел купить Дмитрий, только с меньшими усилиями? Ни о каком спокойствии и речи быть не может, пока она не узнает, кто здесь живет. Но сбежать она уже не могла, ворота закрылись, и Агате оставалось лишь следовать за Яном.

Мошеная дорожка, присыпанная сухими сосновыми иглами, привела их к просторной террасе. Здесь были установлены плетеные кресла, столик для чая, подвесные качели – но только для взрослых, детских вещей Агата не видела. Ян и вовсе не обратил на это внимания, он не стал стучать и просто открыл незапертую дверь.

Внутри дом оказался не менее роскошным, чем снаружи, и бесконечно уютным. Кто-то с любовью подошел к оформлению интерьера, выбирая только натуральные материалы и теплые цвета. Пространство этого дома не давило на гостей, оно давало ощущение свободы. Деревянные балки на потолке, винтажные стеклянные люстры и добротная мебель создавали домашнюю атмосферу, хотя внушительный размер особняка подошел бы и для отеля. Именно благодаря этому Агата с первых шагов поняла, что здесь кто-то живет.

А потом она увидела, кто: по обитой ковром лестнице к ним спускалась женщина в длинном светлом платье. Стройная и тонкая, издавек она показалась Агате ее ровесницей, но когда она подошла ближе, стало ясно, что ей около сорока пяти лет. Иллюзию юности создавала ухоженная кожа, медовые волосы, обрамлявшие ее лицо, и общая легкость движений. Через очки в золотистой оправе Агату внимательно рассматривали серые глаза.

Агата была уверена, что прежде они не встречались – и что этой женщине и принадлежит роскошный особняк.

– Добро пожаловать, – сдержанно улыбнулась хозяйка. – Судя по времени вашего прибытия, выписка из больницы прошла не слишком гладко.

– Не было выписки, она просто сбежала, – хмыкнул Ян. – Потому что Димочка наш засутился. Вы были правы, она ему нужна.

– Это несложно было угадать, – заметила женщина. – О ее истории написали в новостях. Следовало ожидать, что он придет проверить. Но раз он заинтересовался ею, проверка прошла успешно.

– Вообще-то, «она» стоит прямо здесь, – напомнила Агата. – И ровным счетом ничего не понимает!

– Простите, бестактно получилось, – смутилась женщина. – Просто ваше прибытие для меня очень важно.

– Мое прибытие или Дмитрий Гриценко?

– Одно переходит в другое. Меня зовут Екатерина Веренская, я буду рада, если вы станете моей гостьей.

– Я вроде как уже, – вздохнула Агата. – Мне все равно больше некуда идти. Но я все жду, когда мне хоть что-то объяснят.

– Ожидание закончилось. Прошу, пройдемте на кухню, вы, наверно, проголодались после поездки.

– Кофе хочет, – подсказал Ян.

– Все, что угодно. Чувствуйте себя как дома.

Ян воспользовался этим предложением без лишних сомнений. Он первым направился на кухню, и стало ясно, что в этом доме он бывал не раз. Агата держалась рядом с хозяйкой особняка. Умом она понимала, что должна испытывать голод – последний раз она ела вчера, в больнице. Но голода не было, нервное напряжение все перекрывало.

Кухня в этом доме была предсказуемо огромной. К рабочей зоне с островом примыкала небольшая столовая с массивным деревянным столом и приставленными к нему стульями. Но Агата устроилась не там, а за небольшой барной стойкой – ей не хотелось сидеть за столом одной. Ян занял себя изучением холодильника с двойными дверцами, а Екатерина направилась к сложного вида кофемашине.

– Я знаю, что вы ждете объяснений, – сказала хозяйка особняка. – Но двух слов здесь будет недостаточно.

– Я вас в словах не ограничиваю, – отметила Агата.

– Тогда, надеюсь, вы не удивитесь, если я начну издаleка.

– Насколько глубоко в историю мы погрузимся?

– На два года. Сначала вам нужно понять, что значит вот это. – Екатерина сделала шаг в сторону от стола и посмотрела вниз. Проследив за ее взглядом, Агата заметила, что она чуть приподняла подол длинного платья, позволяя гостье увидеть массивный черный браслет, закрепленный у нее на лодыжке. Обшитый специальной непромокаемой тканью и поблескивающий лампочками, он был совсем не похож на простое украшение.

– Следящий браслет, – догадалась Агата. – Но... зачем?

Она знала, что такие устройства носят только преступники, остающиеся под наблюдением у полиции. Какое отношение к ним могла иметь элегантная, изысканная Екатерина?

– Это долгая история.

– Двухлетняя, как я поняла.

– Именно, – кивнула Екатерина. – Два года назад я потеряла все, что было мне дорого. Тогда весь мир решил, что я убила свою студентку.

Два года назад у Екатерины Веренской было все, о чем многие только мечтают: семья, – муж и двое детей, – любимая работа, деньги, цели. У нее хватало друзей и ей не приходилось задумываться о врагах, она никому не мешала. По крайней мере, так казалось ей. Уже после того, как ее мир рухнул, она научилась многое воспринимать по-другому. А тогда она уверенно шла вперед, считая, что она далека от любого криминала и с ней ничего плохого не случится.

Переломным моментом стал самый обычный день. Она провела несколько лекций в университете, а вечером встретила со студенткой, которой помогала с научной работой.

– Ее звали Нина, – тихо сказала Екатерина. – Выпускница почти, двадцать один год, а в душе – совсем ребенок, но талантливый. Из тех, на кого не жалко тратить время. Я была не обязана помогать ей, но мне хотелось. Потом уже газетчики напридумали, что я увидела в ней конкурентку или что-то вроде того. Вздор, конечно, в духе желтой прессы. Но некоторые люди поверили.

Память Екатерины оборвалась вскоре после того, как Нина пришла в ее кабинет. Она не могла вспомнить, что они говорили, что делали – все скрылось за непробиваемой стеной темноты. Когда Екатерина пришла в себя, они обе находились в совсем другом помещении. Она стояла на коленях, окровавленная, а Нина... Нина была мертва.

– Ее задушили, – ровно и как-то безжизненно произнесла Екатерина. – А потом, уже когда она была мертва, изрезали скальпелем. Раны были по всему лицу, но главное даже не это... Ей срезали почти все мягкие ткани с лица, чтобы можно было закрепить на нем сувенирную маску, которая была не предназначена для ношения. Все поверили, что это сделала я.

– Только потому, что вы находились в одном с ней зале? – прошептала Агата.

Глядя на свою собеседницу, она и предположить не могла, что Екатерина способна на такое. Агата совсем не знала ее, и все же перед собой она видела спокойного, мудрого человека. Не психопатку, которой захочется кому-нибудь лицо срезать!

– Не только поэтому, – признала Екатерина. – На меня указывало все без исключения. На скальпеле были мои отпечатки. Когда-то давно я изучала медицину. Практикующим врачом я не стала, поняла, что это не мое. Но на суде мне припомнили, что я умею работать со скальпелем и знаю анатомию. Отпечатки на шее Нины совпадали с размером моих пальцев, у меня под ногтями была ее кожа. Комната, в которой нас обнаружили, была заперта изнутри. Словом, все указывало на то, что это я убила свою студентку и изуродовала труп.

Екатерина перелила кофе в тонкую фарфоровую чашку и поставила ее перед гостьей. Отогнав от холодильника Яна, которого эта история, судя по его скучающему виду, не интересовала, хозяйка достала сливки и набор воздушных пирожных, разложенных на золотистом блюде.

Но Агате сейчас было не до еды. Она сделала торопливый глоток кофе, чтобы хоть как-то успокоить нервы; все, что она услышала, не укладывалось в голове. Как могла эта женщина, такая собранная, аристократичная даже, кого-то убить? Да еще таким варварским способом!

– Ну а мотив? – спохватилась Агата. – Какой у вас мог быть мотив? Только то, что она вам якобы завидовала?

– Тогда об этом даже не говорили, потом уже придумывать начали, превращая меня в чудовище. Практического мотива у меня действительно не было. Но я преподавала историю религий, а Нина писала работу по языческим жертвоприношениям.

– То есть?.. – начала было Агата и запнулась. Правильных слов для такого вопроса не было. Однако Екатерина и так поняла ее:

– Да. Ставку делали на то, что я по какой-то причине потеряла над собой контроль и напала на Нину. Это звучит дико, но ведь и убийство не было обычным. Меня проверили на наркотики. Естественно, ничего не нашли и стали подводить все к моему предполагаемому сумасшествию.

Два года спустя Екатерина оправилась и отлично владела собой. Но тогда ей было далеко до такого спокойствия. Все улики указывали на нее, а у нее даже достойных оправданий не было! Она не помнила, что произошло той ночью, не знала, кто украл ее память.

Ей никто не поверил. Муж поспешил подать на развод, он вообще ни разу не говорил с ней, пока она была под следствием. Дети боялись и стеснялись ее. Бывшие коллеги и друзья отвернулись от нее, чтобы не пострадала их собственная репутация. Даже ее брат и сестра долгое время не знали, как реагировать.

– Они до последнего сомневались, достойна ли я вообще помощи, – горько усмехнулась Екатерина. – А я тогда, признаться, была не в состоянии их убедить. Даже не из-за провалов в памяти, мне просто казалось, что я схожу с ума – или уже сошла. В один день все шло своим чередом, а в другой я вдруг превратилась в сумасшедшую убийцу для всех, кто меня знал. Мне казалось, что моя собственная жизнь ускользает, как песок сквозь пальцы.

Это чувство было знакомо Агате – с недавних пор. Поэтому она уже сочувствовала Екатерине, хотя пока не было никаких доказательств того, что хозяйка дома и правда не убивала свою студентку.

– В конце концов мой брат решил, что семейные узы дороже всего, – продолжила Екатерина. – Он нанял мне хороших адвокатов, задействовал свои связи. Меня признали невменяемой и опасной для общества, но вместо того, чтобы отправиться на принудительное лечение, я оказалась здесь, а брат стал моим официальным опекуном. Я не имею права выходить за пределы участка, и вот уже два года я в этом доме. Одно нарушение – и я отправлюсь в психиатрическую лечебницу.

– Это не худшая тюрьма, – заметила Агата.

– Но все равно тюрьма. Если бы я действительно убила Нину, я бы сказала, что легко отделалась. Однако я ее не убивала. Получается, мою свободу отняли ни за что... и главная моя беда даже не в этом.

– А в чем тогда?

– В людях, – пояснила хозяйка дома. – Из-за этой истории я потеряла всех, кто был мне дорог. Коллег и друзей я отпустила без труда – они лишь показали свое истинное отношение ко мне. Но моя семья... Мне больно от того, что близкие мне люди так быстро поверили, что я чудовище.

Ян, добывший в холодильнике салат и фаршированные яйца, завтракал в стороне. Закончив, он оставил посуду на столе и покинул кухню. Агата не обратила на него внимания, ее взгляд оставался прикован к Екатерине.

– Неужели за два года они не простили вас?

– По-разному, – ответила хозяйка дома. – Мой муж, с которым мы прожили больше двадцати лет, был рад вычеркнуть меня из своей жизни. Он общался со мной только через своих адвокатов, а мой диагноз ускорил бракоразводный процесс. Мои собственные дети отделились от меня, и теперь я лишь изредка переписываюсь со своей дочерью. И я чувствую: она делает это из жалости. Она верит, что я больна и виновна. Мой сын – тоже, и он винит меня в том, что это я разрушила нашу семью. Моя младшая сестра презирает меня, хоть и старается сделать вид, что это не так. Мой брат сожалеет, что мы родственники, и помогает мне только во имя памяти о наших родителях. Мой племянник сочувствует мне, но не как невинно осужденной, а как клинической сумасшедшей. Видите, Агата? У меня нет жизни с тех пор, хоть я и не умерла. Моя клетка роскошна, однако она обеспечивает более совершенную изоляцию, чем могла быть в больнице. Нет нужды ограждать меня от мира, я просто никому не нужна. Я хочу это исправить.

– Вы знаете, как это сделать? – удивилась Агата.

– Да. И это плавно подводит нас к вашей роли во всей этой истории.

На кухню, отвлекая их, вернулся Ян, державший в руках папку с документами. Внутри оказались фотографии формата А4, которые он, не говоря ни слова, разложил на барной стойке. Каждый снимок был портретом человека, которого Агата никогда не видела прежде. Исключение нашлось всего одно – Дмитрий Гриценко.

– Что это?

– Результат моей двухлетней работы, – пояснила Екатерина.

Одиночество и изоляция помогли ей лишь в одном: ничто не отвлекало ее от расследования. Никакие провалы в памяти не заставили бы Екатерину поверить, что она действительно убила несчастную студентку. Даже если все от нее отвернулись, она в себе не сомневалась. Значит, всеобщая главная – и единственная! – подозреваемая ей не подходила. Екатерине нужно было составить свой список.

– О, вот здесь появляюсь я, – оживился Ян, наливая себе кофе.

За все то время, что они провели на кухне, он ни разу не спросил у Екатерины разрешения, не уточнял, что где лежит. Он лишь доказал Агате, что часто бывает здесь, и все равно оставалось неясным, почему. Среди родственников, которых перечислила хозяйка дома, его не было, а на прислугу он даже отдаленно не походил.

– Так кто ты в этой истории? – не выдержала Агата.

– Я ведь сказал – журналист. Привыкай: я честен до невозможности.

– То есть, ты пришел к Екатерине, чтобы взять интервью?

– Он пришел ко мне, потому что знал Нину, – ответила за него Екатерина.

– Типа того, – кивнул Ян. – А еще я знал, как она относилась к своей училке... Пардон, Екатерине Александровне. Нина душой не была, но она ничего не подозревала. Короче, мне стало любопытно.

Слово «любопытно» звучало здесь странно и неуместно. Речь шла о мучительной смерти молодой девушки, да еще и хорошо ему знакомой – это за гранью простого любопытства. Между тем, глядя на Яна, Агата верила, что ничего более серьезного он не испытывал. О жутком преступлении он говорил почти как о светской сплетне.

Это сбивало с толку. Если в Екатерине она еще могла разобраться, то его решительно не понимала.

– Ян пробрался в дом не совсем легально, – сказала Екатерина.

– То есть, вломился?

– Не так агрессивно, – возмутился Ян. – Прокрался. Мне нужно было поговорить с Екатериной наедине, а ее родня тут живой стеной стала. Что мне еще оставалось? Когда я хочу что-то понять, я нахожу способ.

– И как, понял? – поинтересовалась Агата.

– Конечно.

Яну хватило одного разговора, чтобы поверить Екатерине. Никаких доказательств ее невиновности он не получил, потому что их не было. Однако он привык доверять своей интуиции, и теперь она была на стороне Веренской.

– Мне очень повезло с Яном, – признала Екатерина. – При всей своей экстравагантности, он стал для меня неоценимым помощником, моими глазами, ушами и руками во внешнем мире. В первый год заточения у меня даже интернета не было, да и сейчас я получаю доступ лишь к определенным сайтам. Мне приходилось полностью полагаться на Яна. Он искал нового подозреваемого.

– Того, кому была бы выгодна смерть Нины?

– Нет, – покачал головой Ян. – Смерть Нины была не выгодна никому. Проще было найти тех, кому было выгодно подставить Екатерину. Все это богатые люди, которые не стали бы марать руки. Так что нам нужен был и заказчик, и исполнитель.

– Как ни странно, первым у нас появился исполнитель. Вот он. – Екатерина указала на один из снимков.

С фотографии на Агату смотрел молодой мужчина с приятным, дружелюбным лицом. Даже на снимке, сделанном, судя по формату, на документы, он улыбался тепло и искренне, во взгляде карих глаз не было ничего враждебного. Глядя на его портрет, Агата никогда бы не предположила, что он – уголовник.

– Кто это?

– Его зовут Руслан Савин, – ответила Екатерина. – По крайней мере, под таким именем его знала я. Он был преподавателем в том же вузе. Работать начал за два месяца до убийства Нины – и я стала первой, с кем он познакомился. Мне и в голову не приходило подозревать его в чем-то, в той моей жизни не было для этого причин. Я часто помогала молодым коллегам, помогла и ему. Уже после суда, по-другому взглянув на вещи, я поняла, что он не просто общался со мной. Он общался *только* со мной, с остальными преподавателями формально здоровался и все. Зато он сблизился кое с кем из студентов. Думаю, вы уже догадались, с кем.

– С Ниной, – кивнула Агата.

– Но она не спала с ним, ничего такого, – поспешил пояснить Ян. – Он просто помогал ей с проектами. Спала она тогда, кажется, только со мной.

Агата бросила на него возмущенный взгляд, ожидая пояснений, однако Ян продолжал ходить туда-сюда по кухне. Он выглядел скучающим, словно его утомило бесконечное повторение одной и той же истории. Агата пыталась убедить себя, что это лишь защитный механизм, что на самом деле он так прячет боль, но получалось слабо. Казалось, что Ян обладал не большей способностью к состраданию, чем стул у барной стойки.

– Давайте не будем пускаться в такие интимные подробности, – вздохнула Екатерина. – Важно то, что Руслан много общался со мной и Ниной. Мы разговаривали, я доверяла ему... Именно он подтвердил полиции, что кроме меня и Нины в университете той ночью никого не было. Он первым пришел на работу в то утро, он якобы слышал через запертую дверь мои безумные вопли. Когда на суде его спросили, могла ли я совершить такое, он сказал, что могла.

– Да уж, настоящий друг, – фыркнула Агата. – Почему его мнение вообще спрашивали на суде?

– Потому что он преподавал психологию. Я не знаю, кем он был на самом деле, но в его профессионализме я не сомневаюсь. Думаю, за месяцы общения он изучил меня и Нину так, что смог с легкостью меня подставить.

– Вы считаете, он ее убил?

– Я не уверена в этом... но он мог, – подтвердила хозяйка дома. – А еще он исчез вскоре после суда. Заявил в университете, что не может работать там после того, что видел, и его не стали держать.

– Только вот он не просто уволился, он исчез, – указал Ян. – Съехал со съемной квартиры в тот же день. Я пытался найти его следы – по нулям. А следы находить я умею! Кто-то помог ему исчезнуть, иначе такие дела не делаются. За все эти два года мне так и не удалось отыскать его.

– Зато мы выяснили кое-что другое, не менее важное. – Екатерина постучала ногтями по фотографии Дмитрия. – Когда стало ясно, что Руслан может быть замешан в этой истории, мы стали проверять его контакты. Некоторые были предсказуемы – я, другие учителя, студенты. Но один номер повторялся особенно часто.

– Подставной, конечно, – уточнил Ян. – И после того, как Руслан ушел в закат, номер был отключен. Но тут уж мне удалось отследить его. Номер принадлежал одной из ассистенток Гриценко – можно считать, что ему самому.

– Дмитрий Гриценко оказался мне знаком, – признала Екатерина. – Он общался с моим мужем... бывшим мужем. Даже дома у нас бывал! Мне его представили как консультанта.

– Да, он любит так себя называть, – поморщилась Агата. – То есть, вы считаете, что ваш муж нанял Гриценко, а он, в свою очередь, послал Руслана, чтобы подставить вас?

– Муж – всегда главный подозреваемый. В моем случае можно сказать, что самая банальная версия оказалась самой верной.

Для Агаты это было лишь историей людей, которых она не знала, и все равно ей становилось не по себе. Она боялась даже представить, что чувствовала тогда Екатерина. Как такое вообще может быть правдой? Как можно так поступить с человеком, разделившим с тобой двадцать лет жизни?

– Вы верите, что это он? – спросила Агата.

– У меня хватает причин верить. Уже в ходе моего импровизированного расследования я узнала, что любовница у Сережи появилась задолго до того, как все это случилось. Ему было выгодно избавиться от меня.

– Избавиться... Простите, если я покажусь циником, не хочу вас обидеть, но... почему он просто не убил вас? Это было бы намного проще!

– Я тоже думала об этом, – признала Екатерина. – Мое убийство, может, и обошлось бы дешевле, но имело бы не такой эффект. Я не знаю, кто это придумал, Сережа или Гриценко, но план оказался верным.

– Я все еще не понимаю...

– Все просто: Сережа – богатый человек, но и мой брат – тоже. Они во многом похожи, поэтому, должно быть, никогда не ладили. Если бы меня убили, мой брат сделал бы все, чтобы найти и исполнителя, и заказчика. Но все обернулось иначе... я стала изгоем для собственной семьи. Чтобы сохранить возможность общаться с племянниками, моему брату нужно поддерживать контакт с Сережей. Насколько мне известно, они даже деловыми партнерами по какому-то проекту стали.

Вот теперь Агата начинала понимать, что Екатерина имела в виду, когда говорила о выгоде. Простое убийство выглядело бы подозрительно. Но то, что устроил Гриценко, если это действительно был он, было чем-то большим, идеальное преступление. Есть жертва, есть убийца, оба известны, дело закрыто.

Екатерина осталась жива, однако она все равно что умерла для своей семьи. Во многом, это было более кошмарное преступление, чем лишение жизни. И если исполнитель, Руслан, скрылся, то Дмитрий остался на виду – он был настолько уверен в своей безопасности, что не счел нужным прятаться.

– Я нужна вам, чтобы выйти на Гриценко, – догадалась Агата.

– Бинго, – хлопнул в ладоши Ян. – Все, что мы сейчас знаем про него и Руслана Савина, недоказуемо. Нам нужно больше материалов. Я пытался подобраться к нему, но этот дьявол умен. Пока он не подозревает, что мы вышли на него, но любой рискованный шаг с моей сто-

роны может его спугнуть. Потеряем его – потеряем единственную возможность найти Савина. А он – ключ ко всему.

Ей хотелось сказать, что они ошиблись, что она никак не может понадобиться человеку, организовавшему такое безжалостное убийство. Однако Агата слишком хорошо помнила разговор, вынудивший ее бежать из больницы.

– Зачем я ему? – тихо поинтересовалась она.

– Он любит таких, как ты, – пояснил Ян. – Людей, в которых есть что-то необычное. Может, я и не подобрался к нему слишком близко, но кое-что я уяснил. Он собирает вас вокруг себя. Зачем – не знаю, но не думаю, что все они становятся жуткими наемниками. Мы ж не в комиксе живем! Вот из тебя, например, наемник будет так себе, и все же ты Димочку привлекла.

– Мне его внимание не льстит.

– Это первый шанс приблизиться к нему, появившийся у нас за два года, – указала Екатерина.

– Подождите! – возмутилась Агата. – Каких еще нас? Я ни на что не подписывалась!

– И то верно, – отметил Ян. – Но его ты уже привлекла. А раз ты бежала оттуда среди ночи в одной пижамке...

– Это спортивный костюм!

– Не суть. Так вот, раз ты бежала, значит, он дал тебе причину бежать. Он показал, что заберет тебя. Он, в отличие от нас, ни о чем просить не будет. А вот если ты поможешь нам, с ним будет покончено.

– Я понимаю, что это сложное решение, – сказала Екатерина. – И мне жаль, что я вынуждена просить вас об этом. Если бы оставался иной путь, я бы выбрала его. Но раз уж так получилось, раз и я, и вы связаны с ним, может, мы сумеем помочь друг другу? У нас с Яном есть план, который без вас, Агата, не работает. Я не буду лгать, это опасный план, но он может спасти нас обеих.

Недостаток сна и голод все же давали о себе знать, у Агаты голова шла кругом. Ей сложно было поверить, что все, услышанное сегодня, – правда. Убегая из больницы, она надеялась никогда больше не увидеть Дмитрия Гриценко. А теперь, получается, она должна добровольно вернуться к нему?

С другой стороны, что ей еще остается? Он знает, где она живет, он все о ней знает. У него есть деньги, связи... у нее же нет ничего, кроме этой дурацкой крови, от которой пока одни проблемы. Сама она не справится со всем, что на нее навалилось. Но, может, союз с Екатериной и Яном это изменит?

– Я могу подумать?

– Конечно, – кивнула Екатерина. – Я ждала два года, подожду еще пару дней. Но не слишком долго. Если вы откажетесь, мне придется разрабатывать другой план. Пока же вы можете остаться в моем доме, здесь вы в безопасности.

– Как по мне, вы обе понапрасну тратите время, – фыркнул Ян. – Я уже сейчас могу деньги поставить на то, что она согласится.

Агате хотелось огрызнуться, ответить какой-нибудь колкостью, да не получилось. Потому что в глубине души она подозревала, что он прав.

Часть 2. Слепые и слон

Рука старика дрожала так сильно, что гладкие бело-голубые пилюли едва не выпадали из нее. Лоре пришлось помочь ему, поддержать его руку, чтобы он смог поднести таблетки к лицу.

Но даже в этот последний, решающий момент старик все равно косился на лекарство с сомнением.

– Это точно поможет? – в который раз спросил он.

– Михаил Семенович, вы же взрослый человек, – терпеливо улыбнулась Лора. – Вы все знаете, мы с вами прошли этот путь от начала до конца.

– И что, у меня теперь нет причин волноваться? – проворчал старик. – Это ж такой риск, такой риск...

– Риск минимальный, это мы с вами обсуждали.

– Я жалею, что Никите не сказал!

– Это мы тоже обсуждали, – напомнила Лора. – Если вы позвоните Никите сейчас, все сорвется. Он, конечно же, не поверит с первого раза, как не поверили вы. Да и кто бы поверил?

Ваш сын потребует доказательств...

– Не потребует, – прервал старик. – Он не поверит и все! Он меня давно не слушает...

– Вот, вы и сами все знаете. Поэтому давайте доведем дело до конца, и тогда вы своим примером докажете ему, что он был неправ.

Старик судорожно кивнул; он больше не смотрел на свою собеседницу, только на таблетки.

Его трясло все больше, однако он сумел поднести гладкие пилюли к лицу и проглотить их одну за другой, запивая водой из граненого стакана. Половину воды он пролил на себя, но это было не так уж важно.

Все это время Лора сидела рядом, одобрительно кивала, поддерживала его руку – и не более. Ей не хотелось потом волноваться, остались ли на стакане или упаковке лекарства ее отпечатки.

Когда с таблетками было покончено, старик глубоко вздохнул и отставил стакан в сторону.

– Я ничего не чувствую, – тихо сказал он.

– Это нормально, нужно время. Часа три, прежде чем лекарство сработает!

Ложь, естественно. Лора прекрасно знала, что в запасе у старика не более двадцати минут.

А вот сам он об этом не догадывался, и ее это вполне устраивало.

– Долго ждать! – заметил он.

– Так давайте займем это время.

– Чем его можно занять?

– Вы сегодня не принимали ванну, – указала Лора. – А сегодня четверг. Но мы с вами отвлеклись на лечение, это сбilo график, так что давайте я вам помогу.

– Не надо мне помогать! Через три часа я смогу сделать это сам.

– Вы уверены, что именно с этого хотите начать свою новую жизнь? Мне почему-то казалось, что вы захотите встретиться с сыном. Михаил Семенович, не упрямитесь, давайте все сделаем правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.